

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 18 • ИЮНЬ • 1987

Рисунок В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

В НОМЕРЕ

**РАЗДУМЬЯ
САТИРИКА**
О ПОЛЬЗЕ СТЫДА
Стр. 2.

ИЛИ — ИЛИ:
ИЛИ ОРДЕР НА ЖИЛЬЕ,
ИЛИ ОРДЕР НА АРЕСТ.
Стр. 3, 6—7.

СЮРПРИЗЫ
Музыкальной
столицы США
Стр. 8—9 и 16.

**КОГДА
МИХАИЛ
ЖВАНЕЦКИЙ**
НАПИШЕТ ПЬЕСУ?
Стр. 13.

В НОМЕРЕ

ДАВАЙТЕ КРАСНЕТЬ!

В наступившем лете хочется сказать несколько прощальных слов о зиме. Она всегда была профессиональной очковитрательницей и показушницей: забьет мягким пухом выбоины на тротуарах и мостовых, наденет белые маскировочные халаты на безрукие скульптуры в скверах, набросит вуаль из сверкающих снежинок на облупленные фасады домов — красиво! А укажешь на эти подснежные недостатки соответствующим товарищам — в ответ:

— Сейчас ведь мороз, снег, вьюга... Весной приходите, весной!..

Потом наступает весна, самое молодое время года — все обновляется: и земля, и природа, и показуха. Летят снизу вверх весенние рапорты: «Приступили!.. Освоили!.. Начали перевыполнять!..» Правда, потом выясняется, что освоили, не приступив, а перевыполнили, не начав. Но это потом — а пока трубят-трубят весенние фанфары!..

— Стоп, стоп, стоп! — слышу я голос того же соответствующего товарища. — Не омрачайте сатиры летнего праздничного настроения.

А когда омрачать? У нас ведь избыток праздников — сатире просто некуда воткнуться. Уже не хватает дней в календаре — разобрали на праздники. Каждое ведомство имеет свой собственный, персональный, и требует, чтоб его в этот день непременно славили и ублажали.

— Хорошо, не надо славить. Но не надо и критиковать. Напишите что-нибудь потеплее и помягче.

Издавна знакомое пожелание. К весне всегда заказывали теплые и мягкие фелетоны. Впрочем, и к зиме, и к осени. С годами сформировался такой демисезонно-праздничный фелетон, очень теплый и очень мягкий. Сколько я их понаписывал в своей жизни!.. Но все! Хватит! Больше не хочу! Теплое и мягкое — на поля, им этого всегда не хватает. А я по пробую пожестче и погорячей.

— Но зачем же сатира? Ведь есть еще и просто юмор, — слышу я знакомый вкрадчивый голос. Ладно, начнем с юмора. Но юмор — это та же сатира, только прокрученная через редсовет. А что, если вернуть ей первоначальную зубастость? Ведь в наше время сатиры негусто. Ей был поставлен боевой заслон из тренированных редакторов с авторучками наперевес. Провалит какой-нибудь чиновник сбор утильсырья или не откроет вовремя погребальную контору — за это его в редакторы: мол, последняя инстанция, не справишься, выгоним, как говорил мой южный приятель, «из везде».

И тут-то они уже стояли насмерть. Инструкции специальные заучивали наизусть. Курсы повышения бдительности проходили. И была у них система, специально разработанная, как сатиру «не пущать». Из трех пунктов. Первый: «Не смешно!»

Если же все читатели и слушатели смеялись, то в ход пускался второй аргумент: «Это не наш смех».

Когда же ценой огромных коллективных усилий удавалось доказать, что смеются именно нашим, самым здоровым смехом, тогда на головы неутомимых авторов обрушивали последнее обвинение, убийное, зубодробительное: «Народу это не надо».

Тут уже всё, бороться бессмысленно: против народа не попрешь. Но меня всегда поражала, мягко говоря, смелость этих деятелей, встречающаяся с народом только в банях, вещать от его имени.

Вот и покидали сатиру донкихоты, уставшие от борьбы с мельницами.

— Не могу рассмеить двенадцать

инстанций, — оправдывался известный режиссер-комедиограф, отряхиваясь от жанра.

Я уже когда-то писал, что даже Салтыковы-Щедрины в последние годы перекалвалифицировались: Салтыковы сейчас снимают фильмы, а Щедрины пишут музыку. Нет, конечно, сатира у нас была, и даже острая, как безопасная бритва. И наши комедии с каждым годом становились острее тех, которые будут. Но, честно говоря, хотелось чего-то большего.

И вот настал день. С самой высокой трибуны прозвучал призыв к полной откровенности, к самой разоблачительной сатире. И тут вдруг выяснилось, что мы к этому не готовы. Все годы мечтали о таком времени, жаловались, что руки связаны, что не можем во весь голос гаркнуть... И вот разрешили, попросили, призвали. А «гарка» пока не получается. Уж очень те редакторы над нами поработали: мозги вправляли, шоры ставили, к каждой парадоксальной мысли тормоза приклепали. Но самое смешное, что на призыв быть смелыми первыми откликнулись именно они, наши шлагбаумы, восприняв это и как приказ, и как реальную возможность продлить свое пребывание в должностях. Они кипят и негодуют по поводу зажимщиков критики, они прыгают с ноги на ногу от нетерпения, так им хочется скорей разоблачать и искоренять. И тот, кто еще вчера даже в слове «некрасивый» вычеркивал частицу «не», сегодня испуганно требует самых острых проблем. Правда, он еще сам не знает каких, но требует. Михаил Жванецкий рассказал мне, что, когда такой же редактор стал обвинять его в малом критическом заряде, он прилюдно выкрикнул:

— Не найду, что критиковать! Мне все нравится!

И смелый борец за критику вдруг растерялся и испугался: а вдруг опять велено «не пущать», и Жванецкий об этом узнал первым!

Да, мы отвыкли говорить жесткую правду, а ведь это — наш долг, наша профессия. Надо учиться, просто необходимо. Иначе и мы вольемся в большую армию непрофессионалов, которая нас незаметно окружила. Их много лет штамповали трафаретами анкет: «Не был... Не участвовал... Не привлекался...» Но ведь этого мало! Что он «не» — всем ясно. А что же он «да»? Вот и взяло время нас за грудки и категорически потребовало опустить высокий уровень нашего непрофессионализма!

Долой нудных пропагандистов, засыпающих во время собственных лекций! Долой пассивных молодежных вожак, настолько ленивых, что они размножаются званием — на большее не хватает инициативы!

Пора ликвидировать комитеты по неудобствам, которые есть в каждом уважающем только себя учреждении!

Хватит кормить рыб нефтью!

Хватит тратить энергию на доказательство нашего обязательного во всем приоритета, даже первого места в мире по отлову комаров на душу населения!

Давайте краснеть за каждую глупость, за каждую фикцию, за каждую халтуру. Нас с детства учили громко и дружно восклицать: «Нам хорошо! Нам весело! Нам прекрасно!» А теперь давайте научимся так же громко и дружно произносить: «Нам стыдно!» И если всем нам действительно станет стыдно за наш непрофессионализм и показуху, то мы упрямся, мы напряжемся, мы направим все силы на то, чтобы поскорее избавиться от этих причин, вызывающих чувство стыда за самих себя!

А БЫЛ ЛИ ДЯДЯ ВАСЯ?

Напомним, о чем речь. Жильцу надо установить на кухне мойку. Поставить новый смеситель. Заменить унитаз. Можно ли это сделать за собственные деньги с помощью жэка (жэу, дэза и т. д.)? Увы, почти невозможно. Не желают жэки брать такой заказ. И тогда жилец идет к дяде Васе (Коле, Пете и т. д.). Об этом был фелетон «Спасибо дяде Васе!» в № 33, 1986 год.

Все так и есть, подтверждают читатели, однако почему вы толкуете только о сантехнике? Берите тему шире!

Л. Кондакову из Орла сердитый жилищный сервис настиг на nive столярки. Строители, сдавая дом в четвертом квартале, впопыхах забыли сделать на окна форточки. А исправить промашку никто не берется. Вот тут и возникает заполняющий вакуум дядя, который вывешивает в подъезде воззвание: «Кто хочет форточку? Цена 12 рублей».

Гражданка В. Онопко из Днепрпетровска отправилась на участок № 2 Облбытремстройтреста, где ее встретили довольно приветливо. Однако узнав, что ей надо всего-навсего лишь «побелить, пошпаклевать и покрасить», заявили: «Не выполняем!» Тогда В. Онопко побежала по другим адресам — в фирму «Дружба», в родимый жэк-10 и еще куда-то, но служители сервиса мгновенно мрачнели и мотали головой: «Не-а!»

Говорят, ремстройподразделения созданы также для того, чтобы выполнять заказы населения: большие — за большие деньги, малые — за малые. В соответствии с затратами труда. Но не хотят упомянутые подразделения оказывать услуги. Ни малые, ни большие. Не услужливы эти рыцари услуг.

«А что, если всех ремонтников перевести на самофинансирование и хозрасчет, — предлагает В. Жданов из г. Старый Крым, — и поднять тариф на услуги? А то ведь некоторые расценки засохли где-то на отметке 1927 года. И всем — сантехнику, начальнику жэка, мастеру, диспетчеру, даже бухгалтеру — определить часть отчислений от заказа...» Читатель не поленился, сделал примерную раскладку конкретно за установку умывальника — сколько пойдет в доход государству, сколько достанется перечисленным выше. И таких конструктивных предложений немало в читательской почте.

А в заключение — вопрос персонального пенсионера И. Яковлева из Бреста. «Очень хочется, — пишет он, — побыстрее узнать, кто и как отреагировал на фелетон про дядю Васю».

См. стр. 4.

Рисунок И. НОВИКОВА.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Рисунок В. МОХОВА.

КРОКОДИЛ
ПОМОГ

«НЕВЕСОМАЯ МАТЕМАТИКА»

Взвешивать ли груз при отправке по железной дороге или определять его вес на глазок?

Странный вопрос, не правда ли? Каждый ответит, что надо взвешивать, и будет прав. Потому что просто груза не бывает. Бывает продукция. К примеру, шахты, нефтеперерабатывающего завода, щебеночного карьера. Причем от точного веса этой продукции зависит процент выполнения плана данным предприятием.

Как ни странно, такого рода грузы сплошь и рядом не взвешиваются, что ведет к припискам, очковитирательству и прочим злоупотреблениям. А не взвешиваются эти грузы потому, что ни на предприятиях, ни на станциях нет весов. О чем говорилось в фельетоне Н. Квитко «Плюс-минус тысяча тонн» (№ 16, 1986 г.) и последовавшей затем заметке «Невесомая математика» (№ 6, 1987 г.).

Как сообщает начальник отдела транспорта Госплана СССР Д. Зотов: «Госплан... рассмотрел вопрос о недостатках в развитии весового хозяйства страны». Госплан, пишет далее тов. Зотов, «утвердил план первоочередных мероприятий и в феврале 1987 года направил его министерствам и ведомствам СССР для реализации». В соответствии с этим планом министерства и ведомства обязаны привести в рабочее состояние существующий парк несоизмерительной техники, а Госнаб СССР и Минприбор должны гарантировать начиная с 1987 года «изготовление и поставку народному хозяйству современных весовых устройств, обеспечивающих полное взвешивание насыпных, навалочных и наливных грузов. Кроме того, намечено рассмотреть вопросы внесения изменений и дополнений в нормативные акты, предусматривающие **обязательное взвешивание всей народнохозяйственной продукции**». Последние слова мы подчеркиваем в надежде на ускорение «намеченного рассмотрения».

А. МОРАЛЕВИЧ, Б. ПЛЕХАНОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

ЖЕРТОВА

Противу писательских канонов о завязке, кульминации, развязке и интриге сообщим в самом начале то, что полагалось бы сообщить в конце: первая ласточка оказалась категорически последней. Больше ласточки не летят.

Первой ласточкой была Мария Иустиновна Реброва, преклоннолетняя женщина из города Жданова, ветеран труда, прожившая безупречную жизнь. И в итоге этой жизни захотела построить дом.

Жила Мария Иустиновна во времянке с сыном, очень любящим свою мать. Работал сын тоже на прославленном заводе «Азовсталь», где всю жизнь проработала мать.

А что такое, товарищи, постоянная жилая времянка? А это строение, где через что положено божий, как говорится, свет виден плохо, а через что не положено — щели, перекосины, гнилостины — виден во всей своей красе на север, юг, запад и восток. Ну и, конечно, дует в щели, гнилостины и продухи. И, конечно, по этой причине болезни.

Никогда ни в одежде, ни в питании не шиковали мать с сыном, работали, и оттого скопилось у них на руках суммища тысяч под семь, достаточная для улучшения жилищных условий.

Строить кооперативную квартиру? Большая очередь на эти квартиры. Тогда — дом, как у многих вокруг? Тут с печалью подумала Мария Иустиновна, имеющая немалый жизненный опыт, что ей предстоит. А вот что: надобность ходить и выспрашивать по домовладельцам, где нанять бригаду людей, чтобы и умелые, и честные, и умеренно пьющие. И как законно купить материалы для дома.

Да, пошла по домовладельцам Реброва, стала собирать информацию. Тут прознали и о ней. Первым же вечером пришел во времянку мужчина — косяя сажень в глотательном аппарате, сел и так

щелкнул себя пальцем обочь кадыка, будто самолет преодолел звуковой барьер.

— Ставь, бабка, — сказал он, — сближающее на стол. Есть у меня бригада орлов, будем сторговываться. Мы конечно, выпиваем в бригаде, но на другое утро хорошо себя чувствуем. Мы тебе за месяц жилье обтяпаем.

Но, сама работница до мелочей добросовестнейшая, ни в каком деле не любила Мария Иустиновна обтяпываний. И деликатно отказала. Мол, нету еще отвода участка под дом.

А отвод-то был. Государственный донельзя, утвержденный и архитектором гор. Жданова, и всеми прочими мортирно-гаубичного калибра инстанциями.

И буквально просветлилась от счастья ветеран труда Реброва, когда сказали ей просвещенные люди:

— Золотая ты Мария Иустиновна, не возжайся с темным и документально нечетким людом. Душа ты простая, обштопают тебя в два счета. Ты к государству иди, вот где решение твоего вопроса. Только что разъяснение было, что могут частные застройщики заключать договоры с государственными строителями. Вот и делай зачин таких контактов в пример всем людам. Ни доставалить не надо, ни пролазничать. Постройсья, как человек.

Да, сбилось. 21 февраля 1974 года, как на смерть помнится и теперь, пионер контактов с государственными строителями, заключила Мария Иустиновна договор с ремстройуправлением № 2 Ждановского горремстройтреста. (Управляющий трестом — Гузь И. Е., начальники управления — В. Гаражий, Н. Мурзин, затем Л. Пивко, затем В. Курмури. Всесоюзно запомним эти фамилии.)

См. стр. 6.

ОТ ПЕЧКИ

Они познакомились на границе. Нет, не на той границе, что вы думаете. На границе Грузии и Азербайджана. Зашли в чайную, сели за один столик — как тут не познакомиться?

Выяснилось, что азербайджанец Мамед едет из Грузии в Азербайджан, а грузин Ираклий — из Азербайджана в Грузию. Оказывается, Мамед живет постоянно в Грузии, а Ираклий — в Азербайджане. Так уж случилось, всякое в жизни бывает. Но едут они не для того, чтобы навестить землю своих глубокопочтимых предков. Они едут просто за хлебом.

Дело в том, что Мамед любит свой национальный хлеб чурек, а Ираклий не может жить без лаваша. Но хлебные магазины, расположенные в их городах, хлебозаводы и даже целые министерства хлебопродуктов, находящиеся в их республиках, эту субъективную прихоть удовлетворить не могут. Поэтому Мамед и Ираклий каждую неделю отправляются за хлебом. И довольно-таки далеко. Пока туда, пока обратно — день проходит. А то и больше. Жалко все-таки.

Об этом они и говорили. Вдруг Ираклию приходит в голову гениальная мысль.

— Слушай, кацо,— говорит он,— мы с тобой познакомились, верно? Так давай не будем ездить далеко, а прямо здесь станем передавать друг другу наш хлеб, верно? Ты мне лаваш, я тебе чурек, а?

— Алаверды! — восклицает Мамед. — Какой же ты мудрый, друг Ираклий! А может, я лучше буду посылать тебе лаваш по почте? А ты мне взаимно чурек?

— Не получится,— грустно говорит Ираклий, — придется есть черствый хлеб...

— Тоже правильно,— соглашается Мамед. — Мне кажется, посылки у нас везут на быках пенсионного возраста. Но где же выход?

— Выход? Надо танцевать от печки...

Мамед подметил точно: Ираклий был мудр. Танцевать надо было действительно от печки. Той, в которой выпекают хлеб.

Население на востоке Грузии предпочитает лаваш, на западе — русский калач, мчади и мамалыгу. Азербайджанцы, живущие в Грузии, желают есть тендырный чурек, а армяне грезят о матнакаше. Но с лавашем, чуреком и матнакашем то и дело случаются перебои. Местные хлебопеки объясняют их то недостатком нужной муки, то отсутствием необходимого оборудования, то еще какими-нибудь очень объективными причинами. Но причины на стол не поставишь, к шашлыку не подашь, с дюшбарой не съешь.

Правда, в грузинских городах Кварели, Лагодехи, Сагареджо не так давно построены мощные хлебозаводы, оснащенные современной техникой, которая, по утверждению хлебопечков, может выпекать самый что ни на есть экзотический сорт хлеба. Но вот что странно — в тех же районах на полную мощность работают и домашние печи. В них бабушка Анаит или тетушка Фарида, осевшие в Грузии, пекут вкусный и ароматный хлеб, с которым не может сравниться ни один сорт фабричного хлеба. В жесткой конкуренции с могучей хлебопекарной индустрией нередко побеждает маленькая бабушкина печка.

Не потому ли и в Грузии, и в Азербайджане наибольшей популярностью пользуется хлеб, который продают на рынках бабушки и тетушки? Ох уж эти бабушки! Ну почему они так умеют уловить то, что надо каждому отдельно взятому Ираклию, Мамеду, Гиви и Али, Араму и Левону? Почему они успевают испечь и лаваш, и чурек, и матнакаш, и калач, и бог знает что еще и с пылу с жару, свежий, душистый, аппетитный принести его утром на базар?

Продукция бабушек идет нарасхват, чего нельзя сказать о продукции мощных хлебопекарен. А ведь заводские хлебопеки ведут неустанную борьбу за наиболее полное удовлетворение потребностей населения. С высот руководящих инстанций спускается ассортиментный список — сколько сортов хлеба должны выпекать хлебозаводы, даются указания решительно повышать качество продукции...

Но борьба за качество и ассортимент как-то не всегда стыкуется с конкретной жизнью. Часто пекут не то и не так. А в министерствах хлебопродуктов и потребкооперации Грузии и Азербайджана слабо занимаются изучением национальной конъюнктуры хлебопечения. Хотя и ценных предложений от опытных хлебопечков хватает, а ереванский ученый Зорий Казумян даже защитил докторскую диссертацию на тему о кавказских хлебах.

Но диссертацией защищаются, предложения вносятся и обсуждаются — а грузины, живущие в азербайджанских городах Кахи, Закаталы, Белоканы, едут за хлебом на базар в Грузию, армяне, живущие в Абхазии и восточной Грузии, совершают хлебные вояжи в Армению, а азербайджанцы, живущие в Грузии, отправляются за национальным хлебом в Азербайджан.

Население катается из республики в республику с единственной целью — купить хлеб. Но разве напасешься на всех желающих базарного хлеба, если мощность частных печек в одну бабушкину силу? А в это самое время нераскупленный хлеб из магазинов возвращается на хлебозаводы для переработки. Ну не парадокс ли?

А ведь совсем близко, в Армении, есть прекрасный опыт организации производственных кооперативов, пекущих национальный хлеб на любой вкус. И этот опыт замечен Центросоюзом. Грузинским и азербайджанским кооператорам дана директива о разворачивании таких кооперативов. Да только не видно что-то их в этих республиках.

...Долго толковали Ираклий с Мамедом в той приграничной чайной. И пришли они к такому интересному выводу:

— А что, если объединить тех грузинских, армянских и азербайджанских бабушек и тетушек в хлебопекарные кооперативы? Заключить с ними трудовое соглашение, интенсифицировать их труд и закупать их замечательный хлеб прямо у печки? Закупать, а затем силами кооператива развозить по городам и селам. И бабушкам хорошо, и государству выгодно, и людям удобно. А мощные хлебозаводы, соревнуясь с бабушками, пусть совершенствуют рецепты и технологию национальных хлебов, ориентируясь на вкусы и пристрастия Мамеда и Ираклия, Мусы и Левона, Бориса и Шалвы.

Азербайджан, Армения и Грузия.

Рисунок В. МОХОВА.

А БЫЛ ЛИ ДЯДЯ ВАСЯ?

Отвечаем. Отреагировало Министерство жилищно-коммунального хозяйства Украины. «Фельетон,— пишет замминистра Ю. Пустоваров,— рассмотрен Днепротетровским облжилуправлением и облремстройтрестом на оперативных совещаниях с руководителями низовых организаций и во всех коллективах Днепротетровского облремстройтреста. Критика признана правильной.

Со стр. 2.

Далее говорится, что начальнику горжилуправления Мизякину В. П. строго указано, привлечены к ответственности и другие должностные лица, «допустившие невнимательное отношение к просьбам граждан... В области намечены пути перестройки по более полному удовлетворению спроса населения... На участках по выполнению заказов населения во всех РСУ дополнительно введена форма обслуживания — выполнение заказов на сумму до 10 рублей с выпиской квитанции для оплаты на месте...»

Но позвольте, почему автор официального ответа ограничился только Днепротетровской областью? Неужели платные услуги нельзя распространить на всю Украину?

Да что Украина — разве жители городов всей страны не нуждаются в такого рода обслуживании? Напротив, судя по читательской почте, пришедшей в ответ на фельетон, очень даже нуждаются. Между тем минжилкоммунхозы других союзных республик не ответили на этот весьма серьезный вопрос.

И наконец: как ни странно, в ответе Минжилкоммунхоза УССР нет ни единого слова о хозрасчете и самофинансировании жилищно-коммунального хозяйства. А ведь именно в этом, в новых формах и методах хозяйствования, и заключается перестройка, о чем еще раз напоминает в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию работы жилищно-коммунального хозяйства в стране».

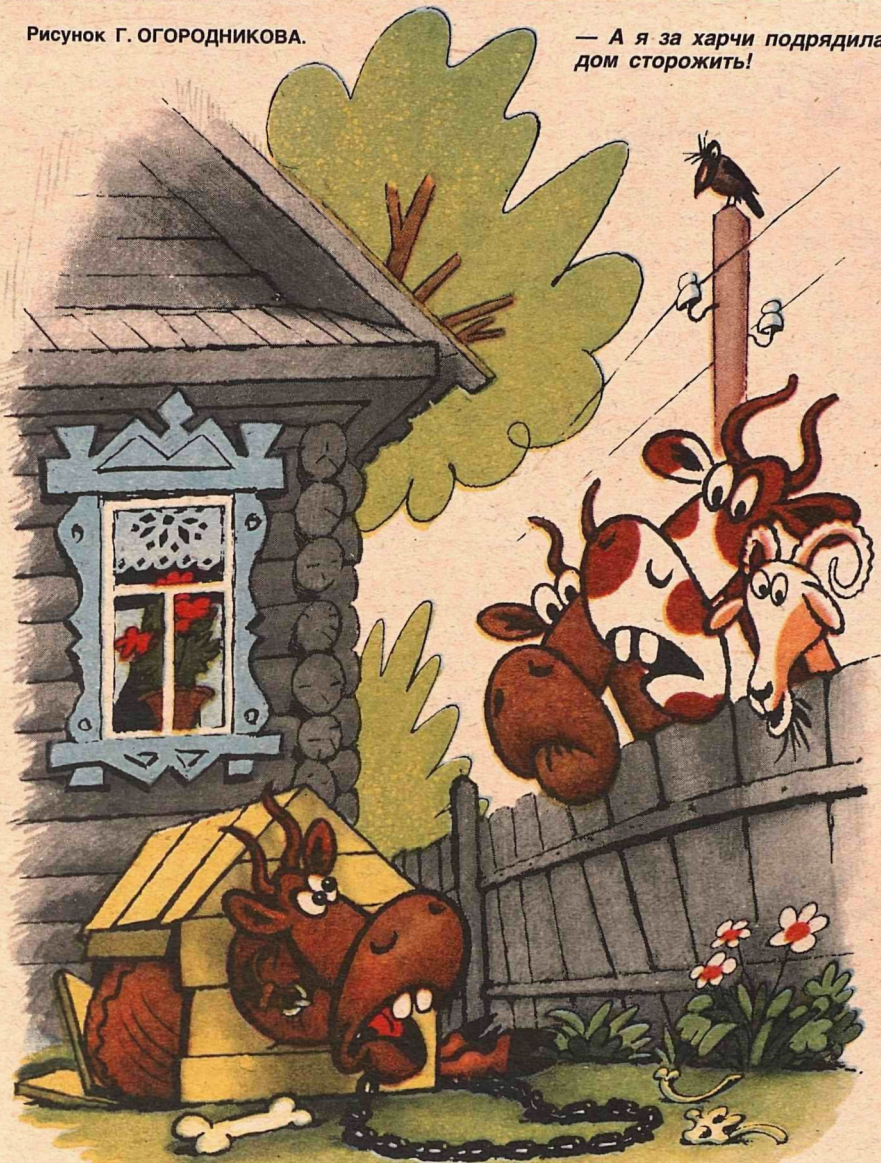
М. ЛЬВОВСКИЙ.

Рисунок В. ПЕСКОВА.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

— А я за харчи подрядилась дом сторожить!

Кому платить?

«ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ»

Просим взыскать с нас в пользу Производственного управления жилищно-коммунального хозяйства п. Провидения или производственно-технического училища-2 (на усмотрение суда) задолженность за наше проживание в течение двух с половиной лет в квартирах дома 1-а по Чукотской улице и за все коммунальные услуги.

Жильцы (следуют многочисленные подписи).

Вот такое диковинное заявление, подобного которому, ручаюсь, не бывало еще в практике судопроизводства, может появиться в нарсуде п. Провидения. Очень мучает совесть жильцов поименованного дома, которые давно уже задарма живут в нем, жгут электричество, пользуются водой и газом.

К идеалистическим соображениям примешивается и чисто практическое: а вдруг придется гамузом платить за весь срок? Эдак и по миру пойдешь! Настаивают, требуют: получите что следует, но только чтобы не нашим внукам пришлось платить.

А вся штука заключается в том, что два почтенных учреждения, как сообщил Крокодилу зав. отделом партийной жизни газеты «Полярник» И. Парамонов, никак не могут договориться о том, кому же стать хозяином нового тридцатидвухквартирного дома, который, кстати, уже успел по-

стареть, и кому получать денежки жильцов. А чему тут удивляться, если владение новым домом дает не только права, но и обязанности, добавляет И. Парамонов. Ведь не секрет, что чем меньше обязанностей, тем легче жить.

Р. БЕРКОВСКИЙ.

Дошел-таки до ручек!

Шел по улице Петрозаводска Г. Котов. Видит — «Мебельный». А ему как раз стол нужен — письменный. Заходит в магазин — стоит! Блестит! Производства здешнего лесопильно-мебельного комбината. Осмотрел он образец на витрине — хорош. И продают в упаковке.

Купил. Привез. Распаковал. Почти собрал. И тут вылетела откуда-то объемистая «Инструкция по эксплуатации стола письменного. Проект БИ 2174. Индекс Ж 22—1581/1». Много чего там понаписано: и для чего стол, и из чего стол, и как его «эксплуатировать». А кроме того рекомендация: «Приобретая мебель, внимательно осмотрите ее». Вспомнил тут наш герой, что осмотрел-то он стол на витрине, а не свой. И слегка помрачнел. Читает дальше: «Комплект ручек закреплен к наружной поверхности задней поверхности задней стенки верхнего ящика». Долго вычислял, где это. Нашел наконец и с ужасом обнаружил: не закреплен комплект ручек. Нету!

Впрочем, не обошлось без сюрприза. Заглянув вначале в один, потом в другой ящик стола, он и обнаружил там заблудившийся комплект ручек. А вовсе не на наружной поверхности задней поверхности задней стенки...

Т. ЛИМАНЦЕВА.

Станислав КУНЯЕВ

* * *

Я не любил иронии своей,
гримас ее лица, ее ужимок,
ее полудвусмысленных улыбок...
Но час настал — я благодарен ей.

Ей было все известно, что люблю
я лирику...

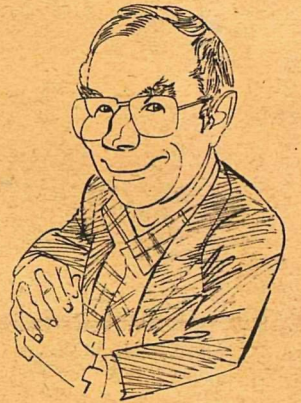
Лишь только та поманит —
и я за ней!

Но лирика обманет,
и я вернусь в родную колею.

Спасибо ей — она умела ждать,
спасала от слезливого геройства,
от пафоса сомнительного свойства
и не давала лишнего болтать.

Удачливой соперницы сестра,
всю жизнь мою ты мне была опорой...
Я слышу голос лирики! Пора!..
Я возвращусь... В который раз, в который...

1962 г.

Термометр

Я свой имею номер.
Стою в своем рядке.
Я попросту термометр
у времени в руке.
Почувствовав одышку,
оно меня берет,
кладет меня под мышку
и препараты пьет.
Я попросту учетчик.
Я с некоторых пор
лишь объективный счетчик,
лишь правильный прибор.
Наверное, простуда —
за дверью холода.
Ползет температура,
но мерзнут города.
А мне-то что? Бесстрастно,
на цифрах и без слов
я говорю:

Опасно!
Зовите докторов.

1961 г.

* * *

Когда мы напишем неправду
и ловко раскрасим ее,
то мы получаем награду
за грустное дело свое:
и деньги, и славу, и толки
в кругу удрученных коллег,
как будто на праздничной елке
взлетел в нашу честь фейерверк.
Но время умнее, чем люди.
Умело и не торопясь
оно, добираясь до сути,
распутает мертвую вязь.
Глядишь — восхваляли, трубили,
но вышел положенный срок —
как старую ветошь забыли
и выбросили за порог.

1967 г.

* * *

Бескорытьем и благом клялись,
задыхались в строительном дыме,
но со временем обзавелись
парикмахерами и портными.

Нет, не то чтоб соблазнам сдались,
просто прожили жизнь, как сумели,
по течениюплыли, а жизнь
подменила и средства, и цели.

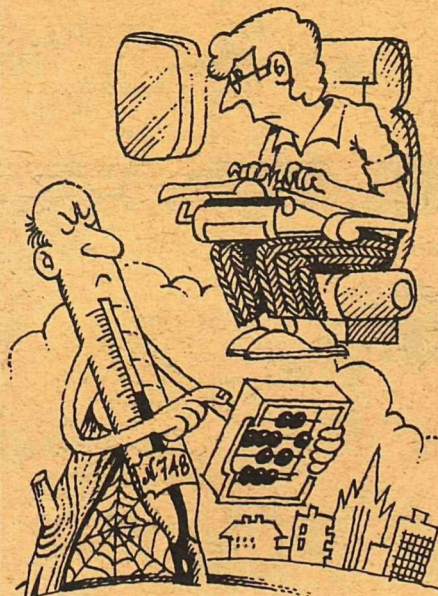
1969 г.

* * *

Неведомы пути успехов...
Среди лесов, среди долин
два месяца тащился Чехов
на край земли, на Сахалин.
Менялись тройки с ямщиками —
была дорога далека.
Он изучал ее боками
и насадил свои бока.
Нас тоже мутит и мотает,
мы тоже терпим маету,
но с разницей, что нас болтает
на турбореактивном «ТУ».
Мы жадно пожираем дали,
прямая выгода лететь...
Но только чеховских деталей
отсюда нам не разглядеть.
И время есть.
А нам все к спеху —
соблазн велик, и век таков.
Маршрут, которым плелся Чехов,
мы кроем за восемь часов.

1961 г.

ЖЕРНОВА

Дом начали строить каменный, одноэтажный, о четырех комнатах. Внесла за дом Мария Иустиновна 5000 кровных бумажных рублей, а еще четыре металлических юбилейных рубля заложила под углы новостройки — на счастье. (Прости, Минфин СССР, Марию Иустиновну за старый славянский обычай и изъятие из денежного оборота страны четырех рублей. Ведь для счастья изъять!)

Вот так. И не Мария Иустиновна, а строители сами проставили в договоре, скрепили подписями срок сдачи дома: седьмое ноября 1974 года. Чтобы, значит, сдвоился у женщины праздник.

В назначенный день по адресу: Звездная, 41, горько стояла М. И. Реброва подле некоего разворошенного строительного объекта. И, ей же ей, не надо было обладать снайперским зрением, чтобы отметить: пожилая женщина Реброва стоит куда вертикальнее, чем все четыре угла незавершенки. Ковыряться на крыше незавершенки всего один рабочий, шкодливо ладя в виде стропила очевиднейшую трухлявину.

— У меня глаз, как алмаз! — фальшивым голосом крикнул он сверху заказчице.

— Глаз-то алмаз, а вот стыд у тебя — как отвес, — сказала Мария Иустиновна.

Никто еще не знал, но вот с этого дня — 7.11.74 — строительное дело по Звездной, 41, стало перерастать в принципиальное политическое. Только с этих позиций мы и будем его рассматривать.

Могуществен и велик строитель. Какие только сроки сдачи объектов в любых концах страны он не срывал безнаказанно! И каких объектов! Миллиардной стоимости объектов!

Грандиозен строитель в достижении поставленных им перед собой целей, если, конечно, эта цель — не качественное и в срок исполнение подряда. Вот — не Вольф же строитель, не Мессинг, ничего демонического нету в обличье, а, напротив, курнос, башмаки на микропоре и слово «документ» произносит с ударением на «у», но ведь какие находит пружины, какие рычаги для надавливания на целые министерства, чтобы подписали акты о готовности и приемке объектов! И серьезнейшие люди подписывали, а потом их спрашивали вовсе серьезные и грозные люди, вызвав к себе на ухоженные ковропланы:

— Как же вы ставили подпись на акте, когда и объекта, по сути, еще нет в помине? Или, вы скажете, феномен миражей стал известен и в Восточной Сибири?

И кривыми от горя губами шептали подписавшие про беса, который попутал, и что эти строители кому хочешь руки для подписи выкрутят. И это, заметим, когда государственный строитель строит государственному же могущественному заказчику. Так если и таким заказчиком помыкает строитель, то чего же может стоить одна старушка из индивидуального сектора? Каков ее удельный вес? Вот каков этот удельный вес: гелий минус водород.

И годами пошли срывать договорные сроки сдачи объекта по Звездной, 41. И когда в бесчетный раз пришла Мария Иустиновна к строителям в стройуправление № 2 гор. Жданова, сказала, что подает на них в суд, там оторопели.

— Старуша, — сказали Ребровой, — это значит вы хотите качать права против нас? Да вы знаете ли, старуша, какие у нас связи? Мы вас сдуем одним телефонным звонком. Так что вселяйтесь добром в дом, какой он ни есть. Это верно, от

проектантской тупоголовости возникли по дому просчеты, допущен и наш дерзкий брак, — а вы все-ляйтесь. Будете помаленьку все устранять. Это же для вас английская мудрость гласит: «Когда дом построен — человек умирает». Вот и достраивайтесь вечно, чтоб не умереть.

Но оказалось, что индивидуальной старушке руки для подписания акта выкрутить труднее, чем какому-нибудь министерству. И подала Мария Иустиновна в суд, и шел уже 1976 год. Также обратилась Реброва с жалобами на строительное управление в Ждановский горком партии и ремстройтрест.

Горком и трест Ребровой не ответили. А управление встречно подало в суд на Реброву, «кляузницу и сутягу». Плюс заявило к Ребровой незаконный иск на добавочную оплату строительства в 1325 рублей.

Суд эту претензию любезно удовлетворил, косвенно признав Реброву кляузницей. Всеми судебными инстанциями, вплоть до областных донецких, Ребровой было отказано в иске к стройуправлению. И Верховный суд УССР оставил областные решения в силе.

Мы все любим строителей. Но горисполком в Жданове любил их вообще беспредельно. Через новые шесть лет, когда вплоть до Москвы было уже очевидно, что недоделка по дому возмутительна, горисполком прислал Ребровой письмо: «В связи с прекращением жалоб... исполком городского Совета народных депутатов вынужден будет рассмотреть вопрос об изъятии у вас этого дома».

Все вызывает яростный протест в этом документе, а особенно употребление слова «народных». По настоящему народных депутаты никогда не подписали бы такого письма.

А вскоре после письма прибыл к дому председатель горисполкома А. М. Зозуля, а по правую руку от него — представители стройтреста, а по левую — представители стройуправления. Через три дня после этого визита на Звездную, 41, родилось угрожающее предписание: «Комиссия считает возможным предъявить дом к сдаче в эксплуатацию после проведенных вами отделочных работ до 1 июля 1981 года. (Хорошо еще, что не строить предписали Ребровой, а только отделывать.) В случае непредъявления дома будет поставлен вопрос об изъятии бесхозного домостроения и передаче его горжилуправлению».

Тут и не выдержала Мария Иустиновна. Слегла. Но ведь, граждане, у нас кругом широчайшая телефонизация. В суде — телефон. В прокуратуре — тоже. И в милиции установлен. И в горисполкоме. Как тут не созвониться, если на всех нажимает старуха. Да и в больнице, где теперь находится Мария Иустиновна, тоже есть телефон. А разве в планы больницы не входит дружно жить со всеми теми, кто повально телефонизирован? Ведь не предпочтет же больница дружить с Ребровой, поссорившись на этой почве со всей администрацией города Жданова!

И не подкачала больница: турнули оттуда Марию Иустиновну.

А вот этот сын Ребровой, полетевший отстаивать права матери и семьи аж в Москву. Разве на «Азов-стали» нет телефона? Есть телефон, и вскоре был уволен с завода Ребров-сын. (Находясь в Москве, дал на завод телеграмму с просьбой продлить на неделю отпуск за свой счет. А ему не продлили и впялый прогнул.) А коли он уволен и не работает, есть возможность прицелить его через милицию как тунеядца. И потом: в защите сыном прав своей матери, против которой консолидировались все районные, все городские и даже некоторые республиканские инстанции, разве нет слепого, невменяемого безрассудства? Нет, здоровый человек так любить мать и так вступаться за нее не может!

И? Довольно вскоре Ребров-сын был по этому поводу отвезен милиционерами на обследование к психиатрам.

Довольно Крокодил!

Не могу на тебя обижаться. Многим злым ты за шесть с половиной десятков лет поковырял вилами соответствующий бок. И все же, на мой взгляд, прошла мимо тебя такая категория разудалых голов, как сквернословы, похабники. А ведь как они поганят нашу прекрасную русскую речь.

Не буду говорить здесь о тех, кто от безделья околачивается в темных углах подъездов и некоторых злачных местах, поднимая свой тонус кренкими выражениями. Хочу сказать о тех, которые причисляют себя к интеллигенции, а некоторые — даже к руководящей. Это они, нередко напыжившись, как весенние индюки, изрыгают из себя грязь.

Однажды по долгу службы пришлось задержаться в кабинете начальника автобазы строительного управления Никодима Степановича.

Мне нужно было получить отчет о работе автотранспорта за прошедший месяц. Последовавший разговор начальника со своим подчиненным я стенографировал дословно и доточечно. Стенограмма мне удалась без особого труда: в ней больше точек, нежели слов. Никодим Степанович нажимает на кнопку. Заходит секретарь, Сонечка. «Мне Кошак».

Сонечка выходит, заходит Кошаков. Дальше следует такой диалог: «Я вас слушаю, Никодим Степанович». «Ты... долго будешь мне... выкручивать этим отчетом?» «Да, я...» «Помолчи, ..., когда с тобой, ..., говорит твой начальник!» «Да, вы...» «Ты... мне слова... не даешь сказать...! Если ... не можешь ... работать, так... и скажи, я ... быстро ... с тобой... разделаюсь. Чтобы... завтра утром... отчет... был у меня на столе. Понял... Можешь ... идти!» И он ушел, разводя руками, и обиженный, как мне показалось, не на то, что начальник обложил его с головы до пят грязной похабщиной, а лишь на то, что не дал ничего сказать в свое оправдание.

И. БОЧКАРЕВ, г. Алма-Ата.

МОЙ КОММЕНТАРИЙ. Я понимаю, что от дурной привычки избавиться сразу нелегко. Если даже начальнику автобазы придет в голову извиниться перед Кошаковым (а мы это пока представляем себе с трудом), его извинение, очевидно, будет выглядеть так: «Прошу... прощения... за... мою... резкость!» Поэтому для начала предлагаю этому руководителю (и не только этому) вместо крепких выражений использовать в разговоре те же точки. В этом случае извинение будет выглядеть так: «Прошу, — точка, точка, точка — прощения — точка, точка, точка — за — точка, точка, точка — мою — точка, точка, точка — резкость...»

Я работаю крановщицей в цехе завода ВНИИПТХИММАША объединения «Пензхиммаш». Не курю. Не курят и мои подружки по цеху. Но если дело так пойдет и дальше, кое-кто закурит. Нам, рабочим, 1—2 раза в неделю привозят продукты в наборах. Спасибо за услугу, мы довольны. В наборы нам торговля что только не подсовывает. Бывают, например, конфеты несдобные, а недавно в наборы включили сигареты «Космос».

МОЙ КОММЕНТАРИЙ. Поскольку сигареты включены в продуктовые наборы, хочется расширить известный текст на их упаковке. В новой редакции текст должен, очевидно, быть таким: «Минздрав предупреждает, что курить, а также использовать сигареты в пищу вредно для здоровья».

А. ГРИШИНА, г. Пенза.

В каком виде выпущена у нас в республике «1001 ночь»? Это же тысяча и одно безобразие! На плохой бумаге (кроме тех, что печатались за пределами Таджикистана), альпюватые обложки, грязные страницы, косо обрезанные, плохо проклеенные. Некоторых страниц или нет, или они дублируются. Попадают страницы без текста. Даже в 50-е годы у нас печатались книги лучше нынешних! Что ты думаешь, Крокодил, по этому поводу?

С. САМАНОВ, Таджикская ССР.

МОЙ КОММЕНТАРИЙ. Думаю, что безобразий гораздо больше. Для определения их количества нужно взглянуть на тираж названной книги и умножить на 1001.

Так повернул вопрос административный аппарат города Жданова, что мы все, все сыновья в стране, кто осмеливается любить своих матерей, определенно должны считаться безумцами.

Вячеслав Ребров обратился с жалобой на тяжкие нарушения социалистической законности со стороны районной милиции к районному прокурору. Вот какую эгегическую бумагу получил он в ответ на свое отчаянное письмо: «Гор. Жданов. 26.01.82. № 492/4. На ваше письмо сообщая, что мною приняты меры по улучшению работы сотрудников Орджоникидзевского РОВД с гражданами».

И как раз в эти дни заместитель Генерального прокурора СССР принес протест пленуму Верховного суда Украинской ССР. Были в протесте такие строки: «Состоявшиеся по делу судебные решения подлежат отмене». Там есть строки о том, что подрядчик не имеет права требовать доплат, если не ставил в известность заказчика о превышении сметы. Есть строки: «Установлено, что по состоянию на 25.09.82 имеется целый ряд существенных недоделок и дефектно выполненных работ». «Доводы заявителяницы о том, что смета была составлена неправильно, исходя из цен за 1975 год, подтвердились». И вот что в заключение «Протеста» пишет заместитель Генерального прокурора СССР. «ПРОШУ: дело направить на новое рассмотрение по первой инстанции в судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР с участием прокурора».

Но ведь если рассматривать дело в Киеве, как того просит заместитель Генерального прокурора, то куда не деться в этом случае от неприятных выводов в адрес Донецка и Жданова. А так не хочется, так не хочется сориться! Поэтому, хоть оно логически и кажется невозможным, пусть Донецк и Жданов сами себя рассмотрят.

И невзирая на сплошные заглавные буквы, которыми напечатано «ПРОШУ», пленум Верховного суда УССР постановляет: «Учитывая, что дело не представляет особой сложности(!), нет необходимости принимать его к производству Верховного суда УССР по первой инстанции. Дело направить на новое рассмотрение Донецкому областному суду».

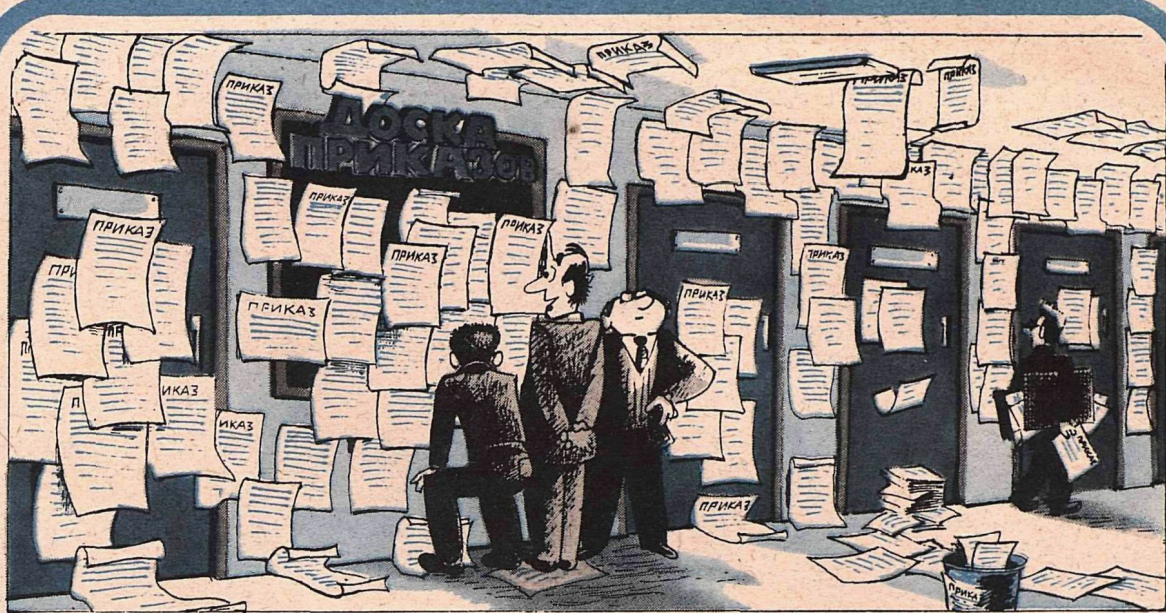
И с союзно-республиканских высот снова упал Ребров с матерью в руки Донецка. А уж Донецк препроводил семью в ждановские жернова. И сразу получил индивидуальный заказчик от государственного подрядчика бумагу: «Ремонтно-строительное управление № 2 предупреждает вас о том, что если в срок до 23 июля вами не будут приняты работы, выполненные по дому № 41... указанный дом будет реализован в установленном порядке». Подписал это бесчисленный уже, но с ухватками предшественников, начальник управления В. Кумуржи.

И никто, никто из граждан города Жданова не рискнет более повторить опыт М. И. Ребровой, заключив договор на строительство с государственным подрядчиком. Страхатся граждане. И обоснованно.

Два вывода можно сделать из этой многолетней, страшной и по сей день незавершенной истории:

1. Телефоны дружелюбия между строителями («Что нам стоит дом построить!»), горкомом партии гор. Жданова, горисполкомом, юстицией, прокуратурами, милицией, судами работают блестяще.

2. В пределах гор. Жданова и Донецкой области в отношении семьи Ребровых власть была употреблена чрезвычайно многократно. Но Советская власть — ни разу.

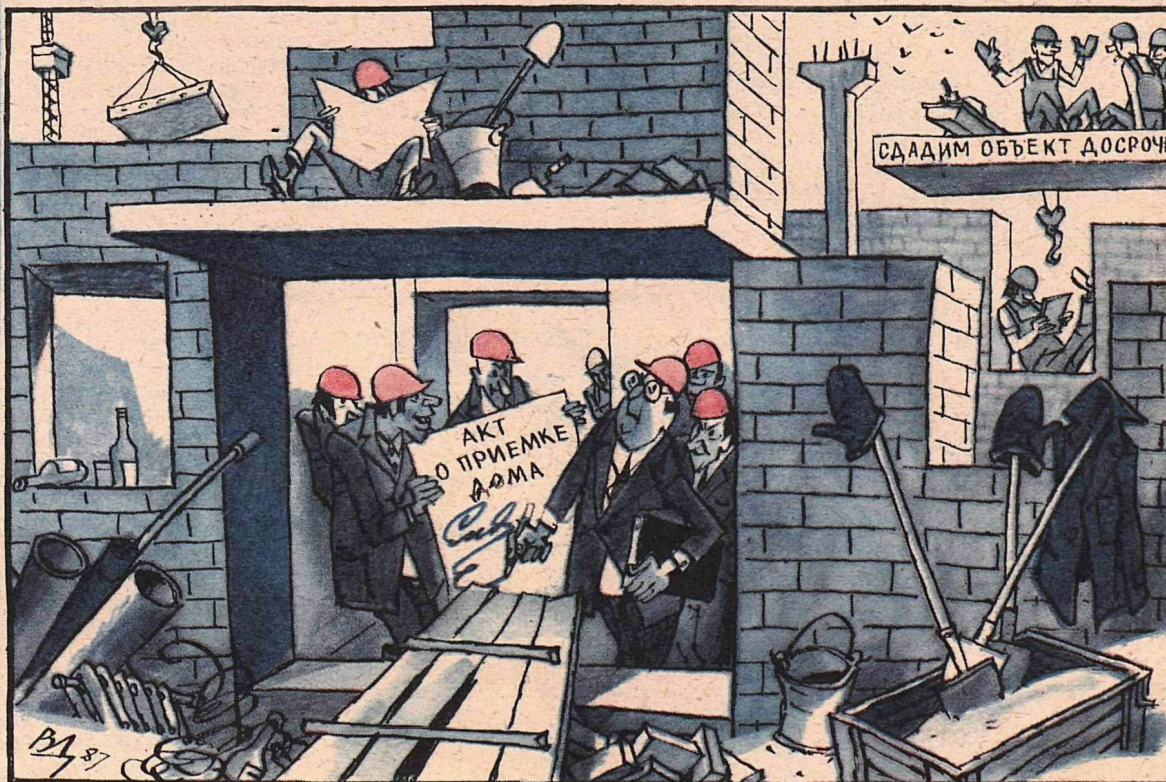

— Ну, теперь у нас дела живее пошли.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Рисунок Г. МАГОМАЕВА, г. Буйнакск Дагестанской АССР.

БЕЗ ОКОН, БЕЗ ДВЕРЕЙ — ПОЛНА ГОРНИЦА ЛЮДЕЙ

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

МИМОХОДОМ

Чем тише человек, тем громче ему приписывают.

Р. АЛЕКСАНДРОВ, г. Ленинград.

Если всадник обходится без головы, значит, у него есть рука.

Леонид СУХОРУКОВ, г. Киев.

Недостатки домашнего воспитания являются достоинствами в магазинной очереди.

Михаил ЛЕМПЕРТ, г. Новочеркасск.

Всегда есть о чем поговорить, когда есть о чем помолчать.

Леонид СЛЕПНЕР, г. Москва.

В ЛУЧШИХ ДОМАХ ФИЛАДЕЛЬФИИ

Как видите, авторы не удержались от соблазна дать одной из главок своего репортажа именно это название, что, однако, вовсе не значит, будто мы решили соревноваться с великими сатириками и считаем нашу поездку продолжением того давнего путешествия Ильфа и Петрова, в результате которого родилась «Одноэтажная Америка». Но признаемся, что перед отъездом перечитали эту увлекательную книгу и потом не раз убеждались: в главном она не устарела.

Однако нам пора продолжать повествование.

Сколько раз мы с вами произносили в соответствующих случаях знаменитое «Как в лучших домах Филадельфии!»! Но мало кто знал при этом, как там на самом деле — в лучших домах первой столицы США. И какие именно из этих домов следует относить к данной категории. Мы теперь знаем. И хотим поделиться с вами, дорогие читатели, впечатлениями от «лучших домов Филадельфии».

К числу таких можно было бы, безусловно, причислить отель «Шератон», в коем провели мы двое суток.

Наши радушные хозяева, справедливо решив, что мы изрядно устали от воздушного и автомобильного транспорта, пересадили нас на гужевой, который терпеливо поджидал седоков у подъезда «Шератона». Черный возница (старомодный котелок, белые перчатки) заботливо укутал нас синтетической полостью (вечер был прохладен), взобрался на козлы, натянул вожжи, сказал нечто, соответствующее русскому «Н-но, залетные!», и тройка хорошо поддрессированных экипажей покатила по звонким мостовым старого города. Улицы и площади сверкали огнями рекламы и витрин. У одной из них укладывался спать прямо на асфальт пожилой человек в потертом осеннем пальто и вязаной шапочке. Он промелькнул, словно видение из другого мира, но для нас праздничный мир огней сразу потерял свое очарование.

— Стритмен... — сказала Барбара, заметив, что мы погрустнели.

Дословно с английского — улич-

Побывав в гостях у кариканиста Арта ВУДА — обладателя крупнейшей в США коллекции оригинальных карикатур (более 40 тысяч), мы получили от него на следующий день пакет. В нем лежала карикатура художника о... нашем посещении.
— Эй, ребята, тут еще несколько сотен рисунков, которых вы не видели!

ный человек. Точнее — бездомный. Ему не нашлось места пусть не в лучших, а хоть в каких-нибудь домах Филадельфии, которая в те дни с энтузиазмом готовилась к празднованию 200-летия конституции США, написанной в этом городе.

Лошадки наши хорошо знали правила движения, чутко реагировали на светофоры и несколько раз обожрали нетерпеливые автомобили, нахально обгонявшие наши опереточные экипажи...

В «Шератоне» после долгой прогулки по ночным улицам было особенно уютно. В холле рояль сам играл Шопена и Гершвина. Бассейн — на крыше под стеклянным колпаком — манил голубой водой. Чем не лучший дом Филадельфии! Но этот комфорт был оплачен в долларах. Гостеприимство «Шератона» входило в счет, выражающийся довольно внушительной цифрой.

Потом были другие дома: огромный билдинг, в котором квартирует газета «Филадельфия дейли ньюс»; итальянский ресторан на одной из дальних улиц, где официанты, подав очередное блюдо, с потрясающим искусством исполняли арии из бессмертных опер и неаполитанские песни, где со старой пластинки звучит обжигающий сердце голос Шалыпина...

Словом, Филадельфия радушно открывала перед нами двери своих домов. И пусть не обижается она, но лучшим мы единодушно признали дом Элизабет Эсби. Он не отличался от остальных на этой тихой улочке ни архитектурой, ни размерами. Он тронул нас — искренне и глубоко — радужием и гостеприимством хозяйки, сердечностью, с которой принимала она советских людей. Принимала так, словно все мы были ее старыми и добрыми друзьями.

В этом доме много книг, уникальных произведений искусства народов Центральной и Южной Америки. Здесь все можно не просто трогать, но рас-

сматривать, брать в руки, листать. А седая хозяйка готова рассказывать вам историю каждого экспоната, не забывая при этом поглядывать, не опустела ли ваша тарелка...

Утром нас встречал еще один дом — университет «Темпл», которым по праву гордится город и где, как вы уже, вероятно, догадались, нас ожидал очередной симпозиум по проблемам сатиры и юмора.

Скажем сразу: по содержанию он мало чем отличался от предыдущих, а вот по форме...

Шоферы машин, на которых мы приехали в университетский городок, — двое внушительного роста элегантных негров, — взяли нашу небольшую группу в замок. Один шел впереди, внимательно поглядывая по сторонам, другой замыкал шествие. Изпод их безупречных костюмов видны были портативные рации. Охраняли нас и на приеме, устроенном в нашу честь президентом университета.

Мы поинтересовались у опекавшей нас редакторши журнала «Темпл ревью» Бонни Сквайр — динамичной, веселой, вездесущей, хохочущей Бонни: что бы это значило? Прежде мы не устаивались таких почестей, как личная охрана.

«Все просто, — объяснила Бонни. — Сегодня в университете должна была состояться демонстрация в поддержку голодающего студента, отца которого, советского гражданина, не выпускают по каким-то причинам из СССР». Демонстрировать собирались перед нами — подвернулся удобный случай. Однако руководство университета попросило перенести демонстрацию на завтра, не желая быть некорректным по отношению к нам. Студенты согласились. Но мало ли что может произойти спонтанно. Вот потому и сопровождение — два вооруженных офицера-гиганта из службы охраны университета. Потом мы познакомились с ними — хорошие оказались ребята. Весь день провели с нами.

Уплетая какой-то экзотический салат за ленчем, Бонни протараторила своей немислимой скороговоркой:

— В общем, демонстрация будет завтра, и я обязательно на нее пойду. Надеюсь, вы не обидитесь?

Но и назавтра демонстрация, как мы потом узнали, не состоялась. Студенты и преподаватели побывали на симпозиуме, послушали нас и решили: будет лучше, если они проведут время в плавательном бассейне.

Подводя итоги пребывания в Филадельфии, мы поставили жирный плюс хозяевам и более скромный — себе.

Ну, а симпозиум был интересный. Опять лавина вопросов, опять неподдельный интерес к нашей стране, желание узнать о ее сегодняшнем дне, опять большой успех выставки советских карикатур.

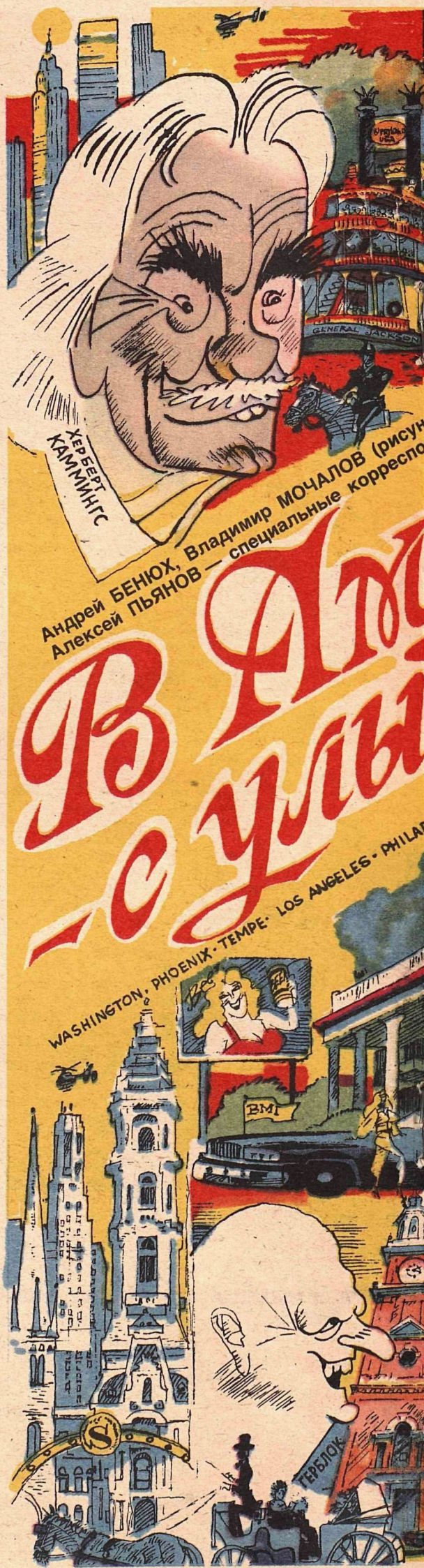
Не с пустыми руками покидали «Темпл» и мы. Порадовала юбилейная экспозиция, посвященная Полю Робсону. О нем с теплотой рассказывали нам преподаватели и студенты университета. Запомнились крепкие рукопожатия ребят, которые говорили, прощаясь: «Приезжайте к нам снова!» На головах у нас красовались фирменные шапочки «Темпла», подаренные президентом. Нет, не США, — университета...

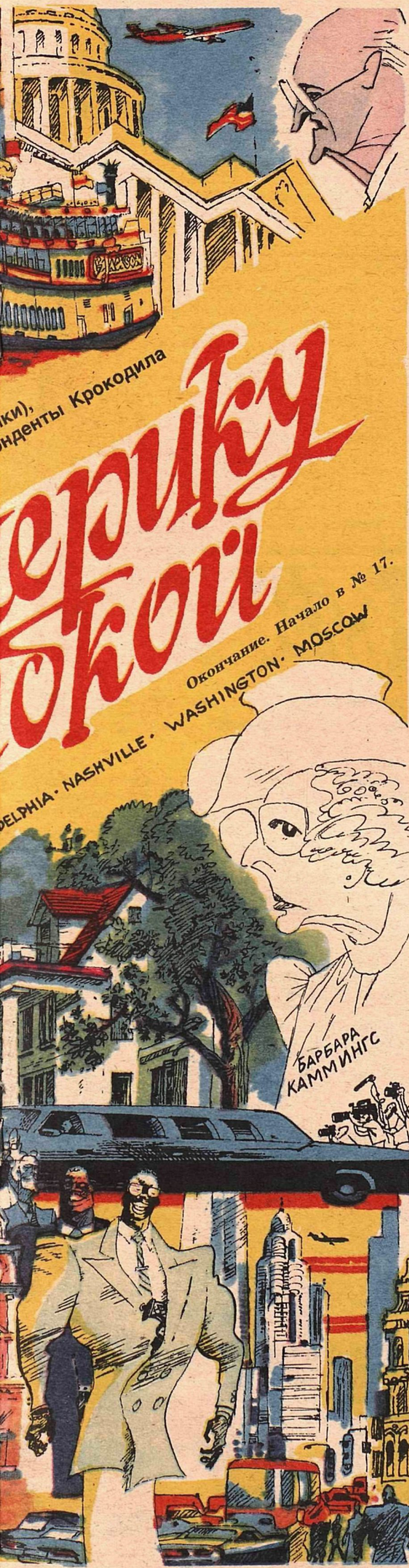
Уже почти на пороге нас остановила решительно настроенная дама. Она задала вопрос, даже не успев назвать себя:

— Как вы относитесь к голодовке нашего студента?

— А как вы относитесь к голодовке доктора Хайдера? — спросили мы, в свою очередь, даму.

Ничего не ответив, она тут же, гово-

ры нелитературно, слиняла. Зато появилась другая. Спокойная, в очках. И сказала:

— Мы должны извиниться перед вами за назойливые вопросы о цензуре, которые задавали некоторые наши коллеги. Ведь они же прекрасно знают, что и у нас есть цензура, да еще какая! Хорошо, что вы не стали спорить — это бесплодный спор. У нас достаточно других, более интересных предметов для диалога. И это замечательно, что он начался, что вы к нам приехали.

Мы целиком и полностью согласились с дамой в очках. Жаль, что рядом не было журналистов и этот прекрасный монолог не попал в утренние газеты. Зато в них попало нечто другое. Один из нас, начиная симпозиум, сказал: «Вернувшись домой, мы расскажем своим читателям об этой поездке так, чтобы они, наши читатели, посмотрели на Америку веселыми и добрыми глазами». Фраза эта на газетной полосе выглядела следующим образом: «Мы расскажем об Америке так, чтобы наши лидеры посмотрели на нее веселыми и добрыми глазами».

Когда мы спросили переводчика, отчего так вольно цитируют здесь гостей, он ответил:

— Вероятно, журналист, написавший это, плохо расслышал вашу фразу. Дело в том, что вы сказали «ридерс» — читатели, а ему послышалось «лидерс» — лидеры, руководители.

— А он, случаем, не пишет стихов? — поинтересовались мы. — Уж больно по сердцу ему рифмы типа «ридерс-лидерс».

Переводчик пожал плечами, и мы так и не узнали, кому же из них больше нравятся рифмы такого рода. Может быть, и не стоило бы вспоминать об этом, но ведь в диалоге очень важна точность с обеих сторон, если мы хотим верно понять друг друга.

Теперь, вернувшись из США и говоря при случае сакраментальное «Как в лучших домах Филадельфии», мы вспоминаем реальные здания и конкретных людей, которые, подобно нам, хотя бы, чтобы две наши великие страны дружили домами.

ДРУГАЯ АМЕРИКА

И снова летим в Питтсбург. И снова, а точнее, в третий раз будем глядеть на него из иллюминаторов — город вечного транзита.

В самолете происходит неожиданное: по внутреннему радио сначала на чистом русском, а затем на английском языке звучит: «От имени командира корабля и экипажа мы рады приветствовать на борту нашего «боинга» советских юмористов и пожелать им успеха в турне по США!» И, что не менее удивительно, пассажиры зааплодировали. Как оказалось, почти все они видели нас по телевидению, слышали по радио или читали интервью в газетах.

Таких «узнаваний» было много в поездке по Америке. И каждый раз мы слегка недоумевали: чего-чего, а подобного приема в США никак не ожидали. Джим Борен пошутил: «Возможно, вас узнают агенты ФБР и от счастья, что не упустили из виду, хлопают в ладоши».

Джон Маркс сказал иначе. Кстати, мы его еще не представили: Джон был директором съемочной группы «Паблик телевижн», что носилась за нами по всем штатам и снимала фильм (в машинах, на дорогах Калифорнии, в самолетах, где наш художник рисовал пассажиров и экипажи, на симпозиумах и приемах и даже на американских скоростных горках в Диснейленде). Короче, в течение всех двух недель, где бы мы ни появлялись, телекамера встречала нас первой, а сосиски-мик-

рофоны уже свешивались с длинных журавлей над нашими головами.

Итак, Джон по поводу «узнаваний» сказал: «Не волнуйтесь, ребята, звездами в Америке становятся на пятнадцать минут».

Возможно, у читателя сложится впечатление, что советские юмористы привезли из Штатов, кроме записных книжек и впечатлений, звездную болезнь. Бог миловал. Мы довольно реально оценивали обстановку и пытались понять, чем же вызван столь бурный интерес к делегации из СССР. Еще до поездки в предварительном разговоре Борен сказал: «Когда по национальному телевидению и радио было объявлено о вашем приезде, в студиях раздались звонки: «Это что, черный юмор? Какие там в СССР юмористы?!»

Профессор Дж. ГОЛДСТАЙН — руководитель симпозиума «Советский и американский юмор» в университете «Темпл», Филадельфия: «Для взаимопонимания между нашими народами один юморист, возможно, способен сделать больше, чем десять политиков...»

Когда же мы приехали, американская пресса то ли от неожиданности, то ли найдя в этом элемент сенсации, словно взорвалась: вряд ли нашлась хоть одна ведущая американская газета, которая не сочла бы своим долгом опубликовать что-то о юмористах из России. Одновременно одно за другим следовали приглашения принять участие в прямых теле- и радиопрограммах, где каждый раз заново приходилось доказывать, что мы не «тренированная команда агентов Кремля», а действительно представители веселого жанра. Результатами этой почти круглосуточной гонки были аплодисменты и рукопожатия, совершенно неожиданные откровения и теплота. Теплота нашего общения с людьми Америки.

Но была и другая Америка. Мы не искали ее специально, не жаждали увидеть плохое. Отнюдь! Но о трех эпизодах стоит рассказать. Потому что и это тоже — Америка.

Эпизод первый. В университете «Темпл» (Филадельфия) у нас была встреча-диспут с довольно обширной аудиторией. После ее окончания каждого из нас еще долго держали «в плену» студенты и преподаватели, успех, как говорится, был налицо. На утро в газете «Филадельфия дейли ньюз» мы увидели такой заголовок: «Красная опасность! Бомба советских комиков!» После него шла весьма положительная статья. Джим пояснил: «У нас в Штатах газетные заголовки и статьи, публикующиеся под ними, пишут разные люди, так что ничего удивительного. Порой несоответствия бывают и почище — думаешь прочесть о голодных, а читаешь о сытых».

Эпизод второй. Дело было в Аризоне, в городе Темпи. Раз в полгода там на довольно большой площади, рядом с концертным залом, построенным в виде перевернутой пирами-

ды, устраивается выставка-продажа произведений художников и скульпторов. Ремесленники выставляют самые невероятные, порой привлекающие исключительно своей абсурдностью поделки; туда же съезжаются со всего штата музыканты рока и кантри, факиры, хиппи, туристы с детьми.

Дети, словно на рапирах, фехтовали колбасообразными надувными шарами, ходили на головах и танцевали брейк; их мамы и папы, многие из которых держали своих чад — чтоб не потерялись — на крученых, словно растягивающиеся телефонные шнуры, поводках, тоже отплясывали по ходу дела; музыка звучала со всех сторон; факиры в толпе жонглировали мачете и яблоками, периодически разрубаемыми в полете (их цилиндры, шляпы и кепки наполнялись мелочью); сидя на траве, чрезвычайно волосатые и не менее оголенные музыканты наяривали рок-н-роллы на... гусях.

Устав от впечатлений, мы уселись под пальмами и откупорили банки с холодной кока-колой. Признаться, было это очень кстати — аризонское светило, хлещущее из синевы, не отличалось милосердием, и это понятно — до границы с Мексикой было километров восемьдесят. И все это происходило под горой, на вершине которой было зачем-то крупно написано «А». Возможно, Аризона.

И вот в разгар праздника с той самой горы раздался вдруг оглушительный вой. Слово на день рождения незваный гость принес бормашину и включил в углу. Вой этот, то усиливаясь, то затихая, травмировал ушные перепонки граждан минут пять. Люди ошалело глядели на гору, никто не знал, что происходит. Однако вскоре веселье продолжилось с не меньшей энергией. Суть этого довольно своеобразного «воющего аттракциона» не доходила до нас.

Позже мы узнали, что шарманка с горы заводится жителем города и студентам довольно регулярно —

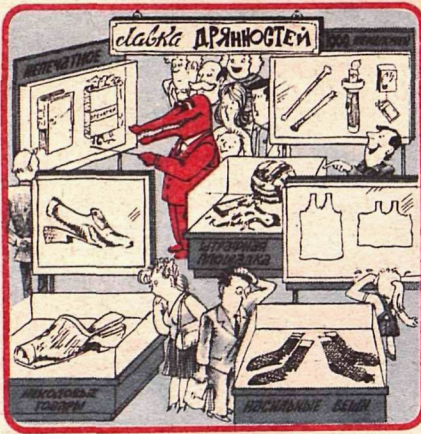

Киноактеры Шейб ВУЛЕЙ и Линда ДОТСОН были одними из тех, кто вручал нам Флаг Мира.

раз в неделю. Еще во времена «холодной войны» сенатор от штата Аризона Голдуотер, и ныне проживающий неподалеку, решил выработать у жителей города некий условный рефлекс «советской угрозы». Вой означает, что «русские идут», а точнее, летят на

См. стр. 16.

БРАЧНАЯ ГАЗЕТА

Как и всякая уважающая себя выставка, наша Лавка, хоть и совсем не уважающая себя, тоже состоит из разделов, стендов, экспозиций. Итак, милости просим на свалку... простите, в Лавку.

Проходим к первому разделу экспозиции. Вывеска гласит:

То есть товар, в котором нельзя ходить. Например, туфли женские, изготовленные алма-атинским обувным объединением «Джетысу» (директор А. Ленчик).

Как свидетельствует государственный инспектор Восточно-Казахстанского центра стандартизации и метрологии Г. Подойникова, у этих туфель «перекос заднего наружного шва, местная отклейка подошвы, клеящие пятна, пропуски стежков, разная высота задников, осыпание красителя...» и так далее. В прошлом году этой обуви (см. фото 1 на обложке) забракковано и возвращено объединению около ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ПАР на сумму порядка ДВУХСОТ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ!

Перед вами следующий экспонат — детские сандалии производства иркутского обувного объединения «Ангара» (генеральный директор И. Шевчук), модель 2-17-85. Через два часа после того, как читательница Резникова приобрела их за 2 рубля 85 копеек в иркутском «Детском мире», ребенка, попытавшегося прогуляться в новеньких сандалиях, отвезли в... поликлинику. Обнова доставила ему не радость, а слезы. «Сандалии, — пишет нам Резникова, — сзади колют ногу, а язычок спереди врезаются в сустав».

Посмотрите направо. Нет, это не крик моды из коллекции Кардена. Нет. Это крик души читателя П. Кудрявцева из латвийского города Алуксне. Приобретенные им мужские туфли даугавпилсского обувного комбината «Даугава» (директор А. Самуль) оказались не без сюрприза — с «просящим кашей» каблук... (см. фото 2 на обложке).

А теперь перейдем к следующей экспозиции —

Нет, читатель, в названии стенда нет ошибки. Вещи, представленные здесь, именно насильные. Через «а». То есть такие, которые если и можно приобрести, то разве что насильно заставив самого себя...

Кажется, столько говорим о качестве, о рабочей совести, о том, что бракоделу должно быть стыдно работать спустя рукава, производить то, что в магазинах потом никто не берет, и так далее. Вот уж и госприемка вступила в силу, еще один заслон браку, и ОТК вроде начал перестраивать свою работу, и территориальные органы Госназора, как и прежде, начеку, да и многочисленные инспекции по качеству как будто строго следят за тем, чтобы негодная продукция не попадала на прилавки, а нет... Не иссякает тревожная почта крокодильской «Брачной газеты».

Покупают люди впопыхах то, что «выбрасывают» на прилавок, а затем... выбрасывают то, что взяли впопыхах. В самом деле: кому нужны спички, которые нельзя зажечь, книга, которую нельзя прочесть, гвоздь, который нельзя вбить?..

А если не выбрасывают, то отправляют куда по-

дальше, с глаз долой. В том числе и к нам, в «Крокодил». Как будто у нас тут свалка...

Присланных нам посылок и бандеролей накопилось в редакции такое количество, что с этим надо было что-то делать. И тут на глаза попала любопытная информация: в узбекской столице местная ВДНХ открыла павильон... брака. Естественно, с адресом изготовителей. Продукцию сопровождали, к примеру, такие таблички: «Материалы переданы в прокуратуру», «Положение не улучшается», «Вся проверенная продукция запрещена к реализации»... То есть форменная свалка как наглядный урок нерадивым.

Идея нам понравилась. Крокодил решил представить страницы очередной «Брачной газеты» наиболее ярким экспонатам из присланного читателями дрянного товара. Назвали мы эту выставку-свалку соответственно:

Лишь безвыходностью положения и объясняет свой опрометчивый поступок абакаонец А. Неуймин, купивший за 4 рубля пару шерстяных носков Минусинской перчаточной фабрики (директор А. Малков). Других в продаже не было, а на дворе зима... В общем, через две недели носки превратились в то, что вы видите на снимке (см. фото 3 на обложке). Делать нечего — Неуймин купил еще одну пару. Прошла неделя — та же история... Вот тогда-то и послал он дырявые носки в «Крокодил» с вопросом: что же ему теперь делать? Неужели снова покупать?

Не знаем, что и посоветовать. Конечно, это безобразие, что минусинские носки рвутся через неделю после покупки. Вот черновицкие — совсем другое дело. На Черновицком производственном чулочном объединении (генеральный директор Е. Цыкун) придумали носки, в которых дыры появляются не после покупки, а до нее... Точнее, эти носки изготовлены с готовыми дырами в пальцах. Вот они, эти носки, которые нам прислал инженер В. Коротков из Донецка (см. фото 4 на обложке).

А эти бежевые женские колготы — тоже не простые. Модель называется «на вырост». В чем их особенность? Изготовителями — Ногинской чулочной фабрикой (директор И. Бузукошвили) — предусмотрено, что после первой же стирки колготы может совершенно спокойно надеть женщина баскетбольного роста: изделие существенно удлиняется...

Так же, впрочем, как и эта розовая детская майка, лежащая на стенде справа (см. фото 5 на обложке). Вы не смотрите, что она большая. Актобинское трикотажное объединение имени XXVI съезда КПСС (директор Л. Ткачева) выпустило ее как детскую. Зато после стирки в нее помещается не один, а два ребенка. «Но у нас пока ребенок один, — сообщает алмаатинец Е. Некрасов, — поэтому нам эта майка не подходит».

Теперь пошли дальше. В углу красочно оформленный раздел выставки, демонстрирующий нечто совершенно

Иными словами, то, что ни в коем случае не следовало бы печатать. Тем более массовым тиражом — 86 тысяч экземпляров.

Именно в таком количестве выпущен в 1987 году издательством «Наука» (директор С. Чибиряев) «Задачник» по высшей математике, предназначенный «для студентов инженерно-технических специальностей вузов». Причем, видимо, не для обычных студентов, а для необычайно сообразительных, так как уже на 3-й странице, в предисловии, их предупреждают, что при пользовании книгой «читателю необходимо приложить некоторые усилия». И хорошо, что вовремя предупредили. Иначе как без «усилий» решить приведенные в книге задачи, если в «Задачнике» после 192-й страницы идет 125-я? А после 160-й... сразу 225-я?.. «А ведь это издание второе, исправленное и дополненное, — сообщает приславший учебник читатель из Нальчика М. Журтов. — Каким же было первое?..» Вопрос резонный.

Тот же интересный принцип ненавязчивой головоломки заложен и в предлагаемом на обозрение экскурсантов «Перекидном календаре на 1987 год», сработанном в издательстве «Грозненский рабочий» (директор В. Капустянов). Читатель Е. Бараников из Ульяновской области, которому посчастливилось приобрести этот чудо-календарь, высказывает смелое предположение, что у грозненцев, по-видимому, в январе по два раза выдают аванс и получку, что, конечно, завидно. Дело в том, что январь (судя по этому календарю) длится до 29-го числа, а потом снова идет на убыль — вплоть до 1-го. Но зато в календаре начисто отсутствует... февраль.

Еще более яркий пример непечатности подало другое издательство — Энергоатомиздат (директор С. Розанов), выпустившее в 1986 году тиражом в 70 тысяч экземпляров книгу «Правила технической эксплуатации электроустановок потребителей», которую прислали нам работники ремонтно-ревизионного цеха участка энергоснабжения ст. Кунгур Свердловской железной дороги. В книге этой на 424 страницы текста «вкралось»... 272 опечатки!

Ну и, наконец, еще одна абсолютно непечатная продукция. Такая, которая так непечатана, что ее даже перепечатать-то невозможно при всем желании. Посмотрите сюда — это переводные картинки, изготовленные в Краснодарском полиграфическом производственном объединении (директор Н. Сирош). Хотя... вы ничего не видите? Вас, видимо, смущает, что вместо изображения картинок на нашей странице пустое место? Нет, это не ошибка крокодильских полиграфистов. Это та самая «изюминка» полиграфистов краснодарских: секрет этих переводных картинок в том, что они... не переводятся.

А теперь несколько слов о спорте. Вернее, о неспортивном поведении изготовителей спорттоваров. О чем свидетельствует наша

Здесь представлено три никудышных экспоната, за которые бракоделы подлежат штрафанию.

Первый — ниппельный волейбольный мяч производства ленинградского экспериментального завода «Спорт» (директор В. Корешов). Иркутянин И. Палазник и его друзья по команде попытались перед игрой надуть этот новехонький блестящий коричневый мяч (см. фото 6 на обложке), но им это так и не удалось. Вскрыв мяч, они убедились, что их самих надули: камера оказалась разрезанной пополам...

Второй экспонат — полужесткие крепления для лыж, изготовленные фабрикой лыжных креплений, что в пос. Румму Эстонской ССР. Читатель В. Ситников из Белгородской области собрался было использовать их во время очередной лыжной прогулки, попытался затянуть крепление, а ремни лопнули. Вы видите остатки бывших креплений, присланные читателем на нашу выставку-свалку (см. фото 7 на обложке).

Третий экспонат — эспандер Казанского завода пищевых устройств (директор Н. Якубов). Норильчанин Б. Сайфулин в третий раз покупает эспандер этого завода. В каждом экземпляре выходит из строя одна и та же деталь — лопается пружина. А ведь он так надеялся с помощью эспандера укрепить нервную систему. Но не выдержали нервы у покупателя: намутившись с третьим по счету эспандером, прислал его нам с гневным письмом в адрес завода...

Перейдем теперь к заключительному разделу нашей «Лавки дрянностей», который мы назвали

60 коп. Но когда она пришла с покупкой домой и хотела пристроить занавес в ванной комнате, оказалось, что хватает его (вопреки инструкции) лишь на половину ванны... «Какой же смысл в этом занавесе, — спрашивает О. Гулая, — если вода из включенного душа все равно заливает пол и стены?» Адресуем этот законный вопрос изготовителям.

Симпатичный с виду карманный фонарик выпускает львовское ПО «Полонина» (генеральный директор Т. Федорович). Но вот читатель Л. Шпак из Бобруйска, несмотря на то, что он пишет, на свое высшее образование, так и не смог заставить фонарь работать. Тот только мигает и тут же гаснет. И кто его знает, чего он мигает?..

Москвич В. Победимский прислал в редакцию спички производства Балабановской экспериментальной фабрики (директор Н. Елькин). Слыхали такую поговорку: «Нет дыма без огня»? Так вот, есть дым без огня! Балабановские спички шипят, издают скверный запах, исходят дымом, но... не горят. Ни в какую.

Ну и, наконец, перед вами — ГВОЗДЬ НОМЕРА «Брачной газеты»! А точнее, не гвоздь, а целая партия гвоздей. И не номера, а завода, который эти гвозди сварганил (см. фото 8 на обложке), завода метизов, что расположен в пос. Безводный Горьковской области (директор А. Широков). Самое любопытное в этом гвозде, как, впрочем, и во всех остальных, купленных ветераном-строителем И. Балашовым, заключается в том, что его невозможно никуда вбить. С одного конца у него шляпка, а с другого — нескошенные заусенцы...

Вот и завершилась наша краткая экскурсия по «Лавке дрянностей». В заключение обращаемся к вам, дорогой читатель, с просьбой:

ЕСЛИ вы не можете воспользоваться по прямому назначению купленного в магазине электродрелью, миксером, дверным замком или еще каким-либо бытовым товаром, то, пожалуйста, НЕ ПРИСЫЛАЙТЕ ВСЕГО ЭТОГО ХЛАМА в «Крокодил» в натуральном виде! Наш приемный пункт выставки-свалки и сама свалка ЗАКРЫВАЮТСЯ. А вместо хлама пришлите его, так сказать, ФОТОКОПИЮ вместе с такой вот КРОКОДИЛЬСКОЙ РЕКЛАМАЦИЕЙ:

— У нас на этом агрегате весь отдел защитился, а производителям все каких-то усовершенствований подавай!

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

— Еще раз намусоришь, перевыберем!..

Рисунок Р. САМОЙЛОВА.

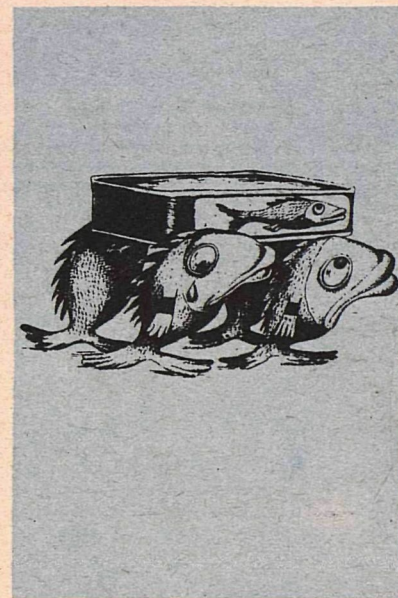

Рисунок В. КАЗАНЕВСКОГО, г. Киев.

В том смысле, что хотя представленные здесь экспонаты — вроде типичные хозяйственные мелочи, но качество их доставляет столько расстройств, что это уже не мелочь.

Судите сами. Приобрела жительница Новосибирска О. Гулая занавес для ванной комнаты, сделанный местным заводом «Пластмасс» Минместпрома РСФСР (директор В. Стасенко). Заплатила за него 1 руб.

КРОКОДИЛЬСКАЯ РЕКЛАМАЦИЯ

ФИО, адрес _____

Вид, марка купленного товара, цена _____

Изготовитель _____

Дата и место покупки _____

Дата выхода из строя, поломки _____

Характер дефекта _____

Приложение: ярлык, этикетка, фотография _____

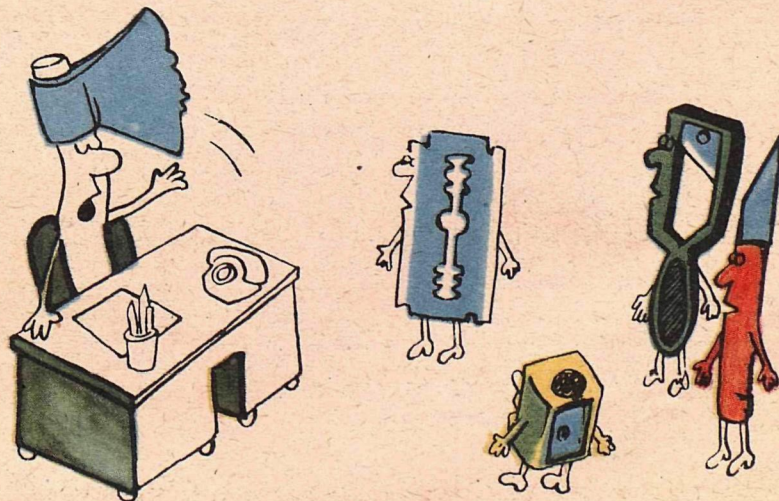
вышедшего из строя товара _____

Экскурсовод по свалке Гр. КРОШИН.
Фото Т. ВОЛКОВОЙ.

«ВОЗНИ»,
Армянская ССР.

Рисунок Ф. ТАРБИЯНА.

ПОЧТИ ЮБИЛЕЙНОЕ

КРОКОДИЛУ — 65.

В эти шесть с половиной десятилетий спрессованы многие выдающиеся события, участником которых Крокодил с гордостью может себя называть.

С самого дня своего рождения он объявил беспощадную войну всему тому, что мешало строить первое в мире государство рабочих и крестьян, решительно встал на защиту честного труженика — главного своего читателя, корреспондента, помощника.

Дело народа — первейшая забота политики народного журнала политической сатиры, который всегда с читателем — и в труде, и в радости, и в горе. Он помогал своими вилами строить Магнитку, взяв в 1931 году шефство над гигантом индустрии первых пятилеток. Это он «с лейкой и блоком», а то и с пулеметом» без промаха бил фашистов. Это его ответственный секретарь Василий Лебедев-Кумач написал в первые дни войны стихи знаменитой песни «Вставай, страна огромная», прозвучавшей как всенародная клятва. Это он, Крокодил, доброй шуткой и острой сатирой помогал восстанавливать народное хозяйство, разбивать палатки первопроходцам-целинникам, встречать первый поезд на БАМе... Это он борется за мир и разоружение, заботится о нуждах простого человека, строго спрашивает за «допущенные промахи» со всех, кто мешает гигантскому, вдохновляющему делу — перестройке.

Так что 65 — это вовсе не пенсионный возраст, а пора зрелости, пора новых творческих поисков, обновлений и самого активного участия в выполнении исторических решений XXVII съезда партии.

Свой полукруглый юбилей Крокодил встречает в боевом настроении, в хорошей спортивной форме и, памятуя о торжественной дате, непременно чокнется с читателями в обеденный перерыв бокалом, наполненным до краев кефиром:

— Ваше здоровье, дорогие читатели! Будем и впредь вместе нести сатирическую вахту на рубежах созидания и творчества!

ОТ ЛУЧИНУШКИ К КАШИРКЕ

(На мотив «Дубинушки»)

Помнишь: мрачен и дик,
Наш несчастный мужик
При царе жег копилку-лучину;
Вечера коротал,
Копоть-сажу глотал:
Лампа, знать, мужику не по чину!

Припев:
Ой, лучинушка меркнет!
Книжку, дымяная, прочесть не даст:
Чуть вспыхнет и — гаснет.
И э-э эх!..

А палаты царя,
Ночью солнцем горя,
Утопали в сверкании ярком:
Но, кляня свой удел,
В темной хате сидел
Мужичонка пред скудным огарком...

Припев.

Но развенчан был царь,
И расселась старь,—
Дни настали поры большевицкой.
И порою ночной
Славно борется с тьмой
Электричество в хате мужицкой...

Припев.

В этот сказочный миг
Точно ожил мужик,
Вольный мир ему кажется шире!
Он поет про огни,
Что в советские дни
Загорелись в чудесной Кашире...

Припев.

Хоть страна и бедна,—
Вся в сиянье она!
Эй, мужик! Спичкой больше не чиркай:
Про мужицкую честь
Электричество есть!
Жить нам весело будет с Каширкой!..

Михаил ПУСТЫНИН.

№ 2 «Иллюстрированного приложения» к газете «Рабочий», 1922 г.

Как известно, юбилейные даты бывают круглые и некруглые. При этом предпочтение обычно отдается круглым, как более знаменательным и престижным.

А, собственно говоря, почему? Ведь и в том, и в другом случае речь идет об одном и том же — о количестве лет, прошедших со дня того или иного отмечаемого события. О количестве и, если можно так выразиться, об их качестве, то есть о степени их значимости, весомости, насыщенности плодотворными, добрыми, полезными делами.

А в данном случае, когда отмечается «некруглая», шестьдесят пятая годовщина нашего журнала, то знаменатель прошедших лет следует, на мой взгляд, измерять в градусах сатирической злости, в амперах разоблачительного осмеяния, вольтажом веселого юмора. Эти данные, совместно подытоженные, помноженные на выдумку, задор, остроумие и ненависть ко всему косному, отсталому и враждебному, разделенные на число вышедших номеров, и дадут, думаю, мне, среднестатистический коэффициент полезного крокодильского действия.

Так случилось (я не ставлю это себе в заслугу, но факт остается фактом), что все эти 65 лет «Крокодила» прошли на моих глазах, составили довольно существенную часть моей творческой биографии.

Работая в «Крокодиле»-87 и даже будучи членом его редколлегии, я одновременно имею все основания причислять себя к сотрудникам «Крокодила»-22, вследствие чего наша сатирическая историография время от времени привлекает меня в качестве свидетеля и очевидца, когда в очередной раз возникает вопрос, скажем, о том, почему журнал называли «Крокодилом», по чьей инициативе, при каких обстоятельствах и т. п. Впрочем, все показания по этому поводу мною давным-давно даны, запротоколированы, и, думаю, нет надобности к ним возвращаться.

Все же в связи с юбилеем позволю себе некоторые воспоминания. Шло небывало знойное лето 1922 года, когда я впервые переступил порог редакции столичной «Рабочей газеты» (прежнее название — «Рабочий»), находившейся тогда в доме на углу Театральной площади и Охотного ряда. Теперь на этом месте, на углу площади Свердлова и проспекта Маркса, здание гостиницы «Москва».

Я отнюдь не был тогда совсем робким начинающим карикатуристом — за моими плечами уже имелся довольно солидный, более чем трехлетний опыт работы в военной и партийной печати Украины, в одесской ЮГРОСТА, киевской УКРОСТА, Управлении агитпунктов Югзапфронта, десятки газетных карикатур и сатирических плакатов. Несколько моих карикатур уже были опубликованы в «Правде».

Я принес с собой рисунок для издававшегося при «Рабочей газете» воскресного «Иллюстрированного приложения» и скромно, но решительно вручил его молодому человеку с золотисто-рыжей шевелюрой, сидевшему за заваленным бумагами канцелярским столом в весьма неказистом редакционном помещении. (Это был, как оказалось впоследствии, не кто иной, как поэт В. И. Лебедев-Кумач.)

К моему удивлению, он отнесся к моему произведению довольно кисло.

— Понимаете, какое дело... — говорил он, деликатно подбирая слова, видимо, не желая обидеть молодого художника. — Все это, может быть, не-

плохо придумано, выразительно и все прочее. Но... Как бы вам сказать... Не по душе мне такой рисунок. Уж очень он, понимаете ли, вылизан, вышлифован... Возьмите хотя бы вот эту вещь — Кумач взял в руки чей-то рисунок. — Пусть это небрежно, незаконченно, размашисто. Но зато какая-то, черт его знает, легкость чувствуется, какое-то искусство! А у вас, извините, уж очень сухо, вымучено.

Я слушал молодого человека с некоторым недоверием. С одной стороны, кое-что в его замечаниях показалось мне справедливым и достойным внимания. С другой стороны, я считал (и считаю по сей день), что в политической карикатуре все должно быть предельно четко, законченно и понятно, что ей противопоказаны невнятность, запутанность, приблизительность.

Так или иначе, но рисунок этот под заголовком «Борьба с реакцией в Германии» был принят и напечатан в №7 «Приложения», после чего я, сам того не подозревая, стал первокрокодилцем еще до того, как появился на белый свет сам «Крокодил». Дело в том, что первый массовый советский сатирический журнал еще только созрел в недрах «Рабочей газеты» в виде этого самого «Приложения» и «вылутился» из него, как из эмбриона, только после 12-го номера, когда 13-й номер «Приложения» стал 1-м номером «Крокодила». И мне довелось присутствовать на том, сегодня можно сказать, историческом заседании редколлегии, когда по решению и по настоянию редактора «Рабочей газеты» старого большевика-правдиста К. С. Еремеева возникло имя журнала — «КРОКОДИЛ».

Мне выпала честь все эти 65 лет

пройти в крокодильском коллективе, вместе с ним увидеть и пережить все незабываемые события шести с половиной десятилетий, отраженные в сатирическом зеркале на страницах нашего журнала. Я храню благодарную память о зачинателях «Крокодила» — замечательных художниках и поэтах Д. Moore, М. Черемных, И. Малютине, В. Лебедеве-Кумаче, Д. Бедном, В. Маяковском, плечом к плечу с которыми выстроилось потом великодушное пополнение двадцатых годов — К. Ротов, Кукрыниксы, Ю. Ганф, Л. Бродаты, А. Каневский, «сатириконцы» А. Радаков, Н. Радлов, Б. Антоновский, другие...

На моих глазах «Крокодил» из двадцатитысячного стал почти шестимиллионным, на обложке его появился орден Трудового Красного Знамени, неизмеримо расширился круг его авторов — художников, фельетонистов, поэтов, корреспондентов. Возросли задачи, влияние, авторитет и в той же пропорции ответственность. Все это не могло не радовать мое первокрокодильское сердце, так же, как не могли не вызывать огорчение и досаду те или иные «перекосы» в сторону невысказательного псевдосатирического и псевдомористического мелкотемья, неразборчивость в публикации рисунков, которые, с моей точки зрения, появления на страницах «Крокодила» не заслуживают.

Крокодилы, как известно, отличаются долголетием. Не является, несомненно, исключением и наш «Крокодил». Так что впереди у него, надо думать, еще не одна круглая и некруглая юбилейная дата. Так пожелаем ему и впредь достойно нести свою неусыпную сатирическую службу, активно, метко, эффективно атакуя всяческую нечисть — и зарубежную, и внутреннюю.

Пусть всегда остаются глаза его зоркими, зубы — острыми, удары — разящими.

Бор. ЕФИМОВ.

Цена 15 руб. вместе с №-ром газеты.

Отдельно не продается.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Воскресенье.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ к № 99.

2 июля 1922 г.

Трубка мира.

Рис. худ. М. Черемных.

ЛИТВИНОВ (протагивая трубку мира) не хотело ли затанцевать, господа! АНТАНТА: Истинно, не курите!

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ, 1922 г.

Михаил Михайлович, когда, при каких обстоятельствах вы впервые осознали себя писателем-сатириком?
— В каких обстоятельствах... Когда у нас перестала вода идти в одесском дворе. По просьбе мамы, потом по просьбе жителей стал писать жалобы, всякие прошения, заявления и заканчивал их «целую». В общем, получались такие жалобы, что их читать было интересно. Ну, воду не починили, и тогда я понял, что я сатирик.

— В каком году это произошло?
— Студентом был. 53-й год...
— Кого вы считаете своими учителями?
— Начальника жэка, водопроводчика нашего, любого сантехника, продавца. Это мои главные учителя...
— Э-э-э... Я имела в виду не...
— А я это имел в виду. Других у меня нет.
— Михаил Михайлович, где афиши о ваших концертах? Люди узнают о ваших выступлениях случайно, за час до начала, прорываются в зал с магнитофонами, чтобы записать вас «живьем», не с телевизора.

— Это рядовой идиотизм наших концертных организаций. Чтобы не было ажиотажа. Они почему-то очень боятся ажиотажа, не могу понять, почему. Ажиотаж нам нужен, выступающим, — писателям, актерам, — нужен дозарезу. Ажиотаж — это наш океан, наша вода, мы должны плавать в этом, это наша питательная среда. Нет, эти люди — администраторы, директора, руководители зрелищных площадок — считают, что ажиотаж не нужен, вреден. И без афиш, говорят они, будут знать! И так вон билеты раскуплены! Ну это если раскуплены. А недавно были у нас концерты в Измайловском Дворце спорта, там четыре было, кажется, концерта, так три были при полупустом зале. И только на последний люди стали собираться, как-то узнали. Вот до чего дошло. А Измайловский Дворец сейчас, по-моему, на самоокупаемость перешел в порядке эксперимента. И первый вот блин у них комом вышел. Я был этим комом. Все расплачиваются: мы, когда выходим на сцену, видим полупустой зал, у нас отвратительное настроение; зрители, которые присутствуют тут же, чувствуют, что у нас отвратительное настроение. Ну и, конечно, теряют те, кто пытался извлечь из этого материальную выгоду. Так что на хозрасчет так тоже не перейдешь — без рекламы. А мы в условиях ажиотажа работаем в десять раз лучше.

— «Литературка» как-то написала, что вы «автор книг». Значит, у вас, кроме маленького сборничка семилетней давности, есть еще издания?

— Нет, всего вышло две книжечки. Одна «В помощь художественной самостоятельности» — такое стыдливое название у нее, тоненькая совсем, наверное, для служебного пользования. А вторая — «Встречи на улицах». Поэтому я действительно «автор книг», но обе книги тоненькие-тоненькие, напоминают рецепты эскимосской кухни — такого они объема. И такого же примерно содержания...

— Удовлетворены ли вы своим теперешним репертуаром, который показывает телевидение?

— Да, сейчас телевидение стало гораздо демократичней, шире смотрит на вещи. Но вот в «Новогоднем концерте» оставлена половина номера, который я сделал, назывался «Джазовая импровизация». Я впервые попробовал разные характеры людей в ритмической прозе. Но они почему-то ужали... Ну, может быть, показался длинным... Но должно было показаться длинным, еще когда записывали! Почему-то показалось длинным, когда воспроизводили. А вот в «Вокруг смеха» дали почти весь монолог. Кроме одной фразы.

— Юмор публикуется в изданиях там же, где кроссворды. Отношение к юмору не стимулирует его развитие. На нашу огромную страну выпускается всего один всеозначный сатирический журнал. Считаете ли вы необходимым создание юмористического журнала РСФСР?

— Юмор не должен принадлежать республикам; журналы должны издавать и кооперативные издательства как подрядные организации. Это самое главное. Я — за то, чтоб журналы могли свободно создаваться и закрываться, как было в 20-х годах, и я думаю, мы к этому постепенно придем. Те издания, которые будут иметь успех, будут жить. А юмористических должно быть полно. В Москве надо выпускать пять-шесть юмористических журналов самых разных направлений: изобразительных, текстовых — каких угодно. Детских, взрослых. Будут покупать, будут читать в трамваях и веселиться. Потому что это как раз для чтения до работы, после работы, несерьезные должны быть, развлекательные.

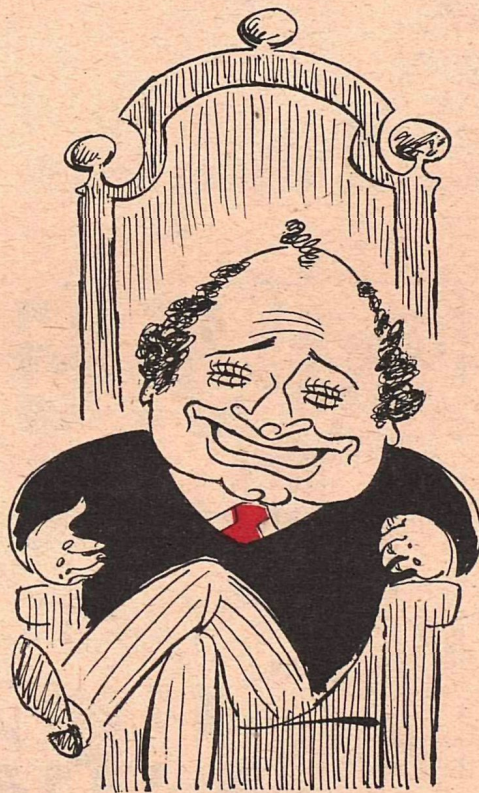
— Михаил Михайлович, вы сейчас много работаете на телевидении, пишете сценарий мультфильмов. Но все это жанры «миниатюрные». Не планируете ли вы создать что-нибудь «эпихальное»?

— Может, соберусь с силами. Но вообще у меня другой характер. Я нервный, я вздрагиваю, как-то быстро хожу, у меня другая совсем жизнь, я мелко так это все... вибрирую. У меня нет крупных таких, с размахом, амплитуд. Поэтому в жанре миниатюр я не только

Что греха таить, сатира и юмор у нас зачастую прозябают на задворках печатных изданий, а острое слово с эстрады до недавнего времени можно было заносить в «Красную книгу». Теперь ситуация начала постепенно меняться. Об этом размышляет Михаил ЖВАНЕЦКИЙ, которого по просьбе Крокодила встретила и расспросила наш корреспондент Ирина ПОРОВОТА.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:

«Живется легче, тьфу-тьфу-тьфу!»

пишу — я живу. Правильны слова Окуджавы: каждый пишет, как он дышит. Вот я как дышу, так и пишу. Я пытаюсь вложить в свою миниатюру какую-то мысль. Георгий Александрович Товстоногов когда-то сказал, что из того, что он читает в моих миниатюрах, можно было бы сделать пьесу. Ну, может быть. И он считает, что достойней, когда мысль занимает маленькую миниатюру, чем если бы ее растягивать на большую пьесу. Вот когда у меня получится сюжет, когда я смогу придумать жизнь для кого-то, тогда напишу. А сейчас я не могу придумать жизнь. Я сейчас только выводы записываю.

— Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к своей популярности? Известно, в чем положительные стороны ее. Но вы на собственном опыте испытываете, очевидно, и обратную сторону?

— Обратная сторона популярности — это, скорее всего, мой телефон. Ничего не могу с ним сделать. Вот эта утомляемость, которую вы сейчас во мне видите, это и есть обратная сторона популярности. Это огромный спрос. Он мне нравится. Но другое дело, что я никогда не отдыхаю. Никогда не отключаюсь. Это безумно тяжело. Жить в Москве, конечно, тяжело. На какое-то время нужно отъезжать, чтобы что-то писать.

— Вы как-то признались, что любите футбол. А занимаетесь ли вы спортом сами?

— Я люблю смотреть первенство мира по футболу, мне нравится настоящая драматическая борьба. Но мне не нравится наш хоккей всесоюзный, потому что там все понятно сразу. Я очень люблю волейбол. Сей-

час стал любить гандбол. Потому что все это игры острые. Занимаюсь ли я сам спортом? Иногда бегаю по утрам. Иногда. При хорошем настроении. В молодости занимался спортивной гимнастикой, получил второй разряд и на этом затих. А мог на полу встать вертикально головой вниз. В то время мог стоять. После того как стал падать все чаще, бросил.

— Михаил Михайлович, ваше мнение о возрожденном КВН?

— Он пока очень похож на старый. Но я все равно считаю, что это дело очень хорошее. Главное, чтобы оно всколыхнуло молодежь, как всколыхнуло раньше. Когда был первый период КВН, так вся страна болела. Тогда был очень уж важен престиж, тогда республики боролись, действительно много страсти вкладывалось в это. Сейчас не знаю, посмотрим, как он будет развиваться. Пока можно лишь сказать, что он похож на предыдущий, но похож на хороший предыдущий. Потому что похожесть — это минус, а то, что он похож на хороший, это плюс. Но я с радостью буду дальше смотреть. Кстати, меня многие спрашивают, не работал ли я с одесской командой КВН. Нет. Ребята просто сами хорошо пишут.

— Михаил Михайлович, вы любите подчеркивать, что пишете свои произведения от лица человека, обслуживаемого сферой обслуживания. Изменилось ли сейчас что-нибудь в этом?

— Да, сейчас я пишу уже от лица потребителя изделий: крупных, сложных изделий электронной промышленности, крупной информации со стороны нашего телевидения и печати. Кроме того, я представляю себя то комбайнером, то слесарем, то будто работаю на станках. Мне кажется, я знаю их устройство и могу представить, что там происходит. Понимаю нашу электронику — я ее прекрасно понимаю. Не знаю, где она хорошо работает.

— Михаил Михайлович, вы, не побоимся этого слова, блестяще читаете свои произведения. А как вы относитесь к чтению их другими исполнителями?

— Положительно! Во-первых, чтоб знали все, у нас по закону об авторском праве, если исполняется много произведений, мы можем жить, у нас поступления какие-то. Я бы сам просто не пошел на эстраду, если бы был удовлетворен морально и материально. Приходится выходить самому, так как с эстрады меня читают мало — видимо, что-то там есть сложное, какая-то специфика. И меня по крайней мере удовольствие удовлетворяет исполнение Карцевым, Ильченко, Филиппенко, Юрским, Марусевым. Кое-что появляется у Шифрина, Аркадий Исаакович Райкин в последнее время моего ничего не читает. Так что, в общем отношусь положительно. Пожалуй, пусть приходят, буду раздавать.

— Мне как зрителю кажется излишней чрезмерная жестикуляция некоторых исполнителей. А вы одной интонацией голоса передаете столько смысловых оттенков...

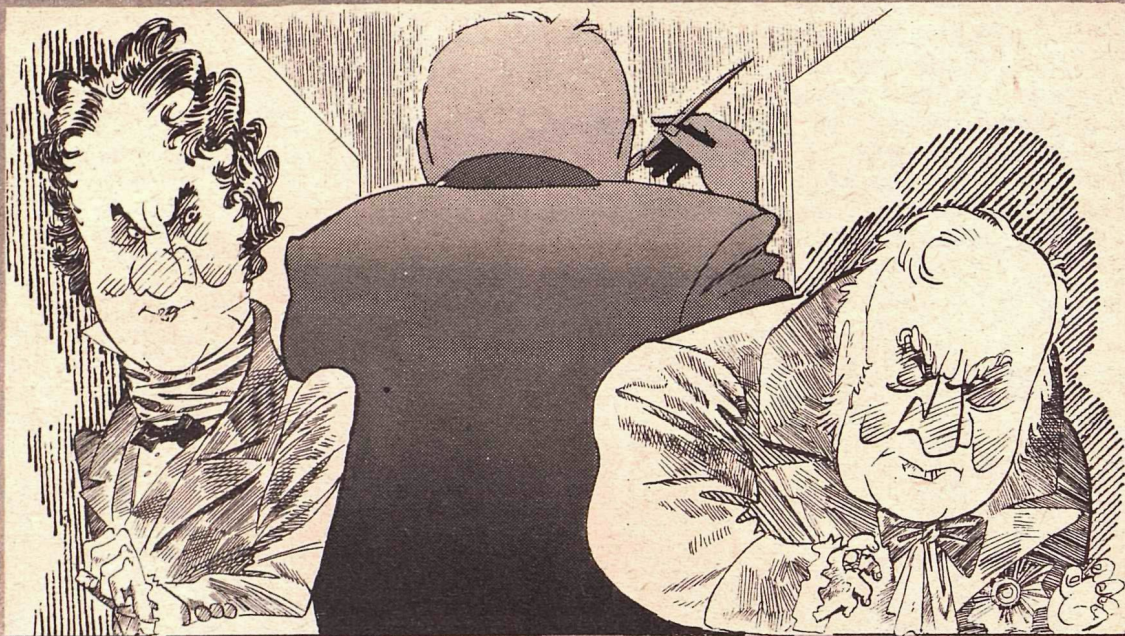
— Это потому, что у меня руки заняты. Вот если бы я не держал текст, я бы тоже размахивал руками и кричал. Может быть, вы и правы, я ведь не вижу артистов из зала. Если они жестикулируют, будем бороться с этим. Привесим им на руки... Дадим арбуз им, вот! Пусть с арбузом в руках читают.

— Ваше творчество всегда было связано с именами Романа Карцева и Виктора Ильченко. Продолжаете ли вы сейчас тесное сотрудничество?

— Действительно, вся моя жизнь связана с Карцевым и Ильченко. Они самоотверженные люди. Сейчас такое положение, что скорей я отошел от них, чем они от меня. Они до сих пор исполняют только мои произведения, хотя, может быть, пора и других авторов. Но они как-то хранят эту верность. Мы стали сейчас невольно конкурировать друг с другом. Как появляется какое-нибудь публицистическое произведение, я с ним выступаю сам. И им его даю. И тут я играю довольно скверную роль в их судьбе. Я сейчас попытался полностью отделиться им на какое-то время, попробовал сделать для них хороший спектакль. Это было трудно. Я думаю, Хазанов ушел вперед в смысле «смешения» публики, мы вряд ли сумели его догнать. Но у нас есть свое — то, что мы всегда делали: какой-то абсурдизм, юмор такой особый. Попробовали свое лицо сохранить. Смешить все труднее, потому что годы идут, уже не то совсем получается, седые люди... Так что мы сейчас переживаем кризис небольшой. Но пытаемся выйти из него в другом качестве. Может быть, кризис будет благоприятным.

— Как сейчас складываются ваши отношения с руководящими работниками культуры?

— Сейчас, слава богу, взаимоотношений никаких нет. Просто их нет. И это очень хорошо. Ведь когда мне еще раньше говорили, чем мы можем вам помочь, я говорил, не надо помогать, вы не мешайте. Ну, по крайней мере настроенное отношение есть. В Одессу пригласили, Киев открывается, Ленинград только сейчас открылся. У меня все, как в аэропорту: один город закрывается, другой открывается. Но сейчас, конечно, живется гораздо легче. «Тьфу-тьфу-тьфу!» — так можете и записать в тексте: — тьфу-тьфу-тьфу!»

Михаил
ЦАРЕВ

Чудесный дар его поведаль:
Большое в Малом чтут весьма —
Признал бы дважды Грибоедов
Царева в «Горе от ума»!

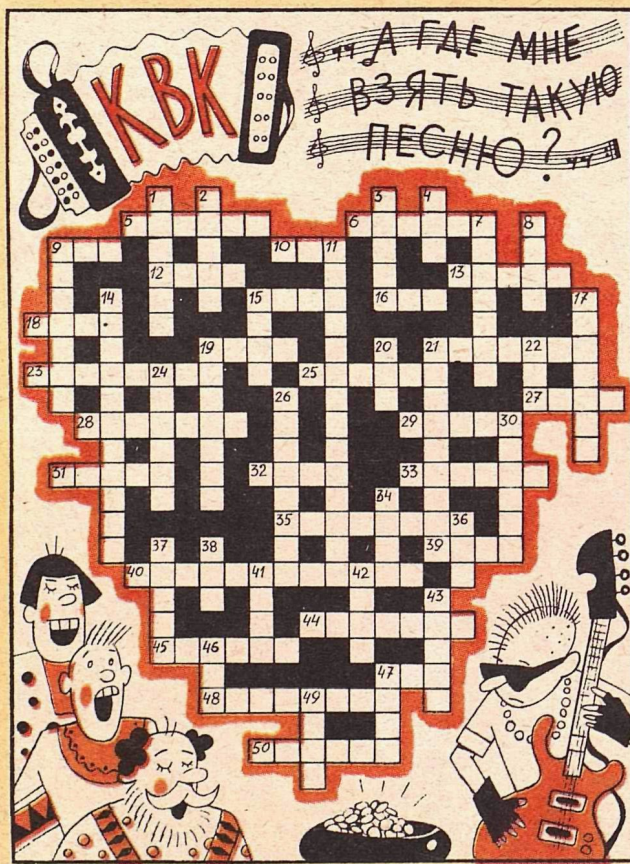
Дружеский
шарж
В. МОЧАЛОВА.

Сурен СЕВАНСКИЙ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Первый источник звона в песне «Птица счастья». 6. Второй источник звона в песне «Птица счастья». 9. Разбушевавшийся персонаж песни, начинающейся словами: «Лучше нету того цвету». 10. Одно из направлений, куда тянут неспевшиеся исполнители. 12. Напиток, который, в отличие от воды, как утверждается в песне из кинофильма «Не может быть», не губит людей. 13. Один из тех, кто отвечал на песенный вопрос: «Где моя любимая?» 15. Специальным образом выструганная деревяшка, широко использованная в песне «Белый свет». 16. Реакция зрителей «Новогоднего концерта» на песню диктора телевидения о программе передач. 18. Проявление индивидуализма в музыке. 19. Жидкость, из которой на 75 процентов состоит припев песни «Как провожают пароходы». 21. Музыкальный инструмент, приспособленный А. Вознесенским и Р. Паулсом для танцев. 23. Музыкальные инструменты, использовавшиеся старинными часами в песне, названной в их честь. 25. Петь мастерица (*басенн.*). 27. То, что не гремит в песне «Вдоль по Питерской». 28. Песнелюб по-французски. 29. Самый нежный песенный вздох А. Пугачевой. 31. Ритм, под который утомленное солнце нежно с морем прощалось. 32. Коллектив исполнителей, в котором четвертый лишний. 33. Бобовое растение, с которым сравниваются звезды в песне «Товарищ». 35. Музыкальный инструмент, под который поет крокодил Гена. 39. Птица, с которой здороваются исполнители песни, названной в ее честь. 40. Слово из строчки, являющееся продолжением известного «Шумел камыш, деревья гнулись». 44. Количество эскимо, которое может подарить песенный волшебник. 45. В Древней Греции — искусные певицы, сейчас — средства сигнализации. 47. Тенистое место действия многих романсов. 48. Место под Ленинградом, где, согласно шлягеру, можно стать водолазом. 50. Еще один из тех, кто отвечал на песенный вопрос: «Где моя любимая?»

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Часть песни, предназначенная для забывчивых. 2. То, что из песни не выкинешь, а порой так хочется. 3. Непевная птица, злоупотребляющая песенным «Ух!». 4. Дипломированный волшебник-недочука. 7. Песня о проблемах растопления больших запасов льда. 8. Вид искусства, где песня, как правило, за кадром. 9. Ударный инструмент, пускаемый в ход соседями при слишком громком пении. 11. Пособие, используемое на уроке труда в «Песне первоклассника». 14. Русская народная песня о проблемах организации выездной торговли. 15. Спортивная обувь, воспеваемая туристами. 17. Лодка, используемая для исполнения итальянских песен. 19. Члены средневекового клуба самодеятельной песни. 20. Большой коллектив единомышленников, не признающих индивидуализма в пении. 21. Музыкальный инструмент, звучание которого А. Пугачева обозначала словами «дринь-дринь». 22. Вид спорта, которым иногда занимается на сцене В. Леонтьев. 24. Место, где наряду с п. 47 по горизонтали бегала собачка (*фолькл.*). 26. Средневековая лирическая песня, которую можно было спеть небольшой такой компанией. 30. То, без чего немислимы поклонники. 34. Богатство, воспеваемое В. Кикабидзе. 36. Место гастролей популярного древнегреческого певца Орфея. 37. То, что, как правило, отсутствует у страстных любителей пения. 38. Полное имя героини многих новогодних песен. 41. Музыкальный инструмент, не нужный козе. 42. Мельчайшая песенная частица. 43. Один из атмосферных источников грусти в лирических песнях. 46. Направление в молодежной музыке, вес которого в обществе зависит от содержания в ней металла. 47. Нота, являющаяся солью звукоряда. 49. Овощ, с которым сравнивается луна в песне «Товарищ».

Составил Ив. ИВАНЮК.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Перекур. 5. Фома. 6. Адам. 8. Мел. 9. Бушлат. 11. Колено. 14. Север. 17. Пломба. 18. «Налево». 19. Рыбак. 21. Градус. 24. Корона. 26. Шар. 27. Сова. 28. Едок. 29. Косички.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шпагат. 2. Детектив. 3. Трагик. 5. Фарш. 7. Море. 10. Ломбард. 12. Локатор. 13. Копер. 14. Сыр. 15. Рык. 16. «Несун». 20. Бумажник. 22. «Асса». 23. Свалка. 24. Кредит. 25. Очки.

У коммандоре Мамбретти, владельца фабрики запасных частей для штопоров в городе Карпи, провинция Модена, есть восемнадцатилетний сын по имени Элизо. Он носит длинную кожаную куртку с меховой подкладкой, а под нее надевает двухцветный комбинезон с «молнией» на поясе. На голове у Элизо шлем с пластиковым покрытием и двойным козырьком. Словом, Элизо одевается как профессиональный мотгонщик.

Однажды Элизо пришел на фабрику к своему отцу и сказал:

— Папа, я хочу жениться.

— Наконец-то ты хоть что-то заохотел, — ответил коммандоре Мамбретти. — Рост у тебя метр девяносто один сантиметр, вес восемьдесят семь килограммов, но лица ты так и не окончил, запасные части для штопоров тебя не интересуют, на сапоги для мотокросса ты потратил больше, чем я на покупки картин несравненного художника Аннигони... Ну, так блондинка она или брюнетка?

— Она красная.

Коммандоре Мамбретти горестно задумался.

— Красная. Неплохой цвет для сына промышленника. Я заранее слышу громкий смех всех членов этой внутривзаводской комиссии.

— Если хочешь, я покрашу ее в белый цвет, — покорно согласился Элизо.

Коммандоре Мамбретти снова надолго задумался. Элизо воспользовался паузой и добавил:

— Она из Японии.

— Совсем хорошо. Еще и иностранка. Нет, милый мой сыночек, так дело не пойдет! «Бери жен и коров из ближних дворов». Имя?

— Я зову ее Кошечка.

— Понятно, значит, породнимся с котами.

— Это не кошка, а мотоциклетка. Хочу жениться на моей мотоциклетке «750».

Коммандоре Мамбретти вздохнул:

— Сын мой, я тебе никогда ни в чем не отказывал. И готов на все, лишь бы ты был счастлив. Но ты подумал о нашем престиже? В сфере запасных частей для штопоров мы первые в долине реки По и делим с фирмой Крупп из Золингена второе-третье место в Европе. А ты выбрал жену куда более низкого сословия. Твоя мать умрет от разрыва сердца. Она хотела женить тебя на Сузи из торгового дома Мамбрини, производящего ленты для горлышек бутылок. Вот это была бы достойная твоя жена, а для меня — утешение в старости.

— У нее нет даже, вероятно, зеркала заднего обзора...

— Вот и не угадал! Она держит его в сумочке, я сам видел. Но если Сузи тебе не нравится, считай, что и разговора об этом не было. Почему бы тебе тогда не жениться на Фоффи из торгового дома Мамброни, производящего ошейники и намордники для сторожевых собак?

— А есть у нее электронное зажигание?

— Конечно! Она им зажигает сигареты. Но если и она тебе не нравится, не надо. Чем нехороша Бамби из торгового дома Мамбринелли, производящего крышки для кастрюль и кастрюли для крышек?

— Нет, только не она! Я точно знаю, что у нее нет свечей с медным электродом. Не хочу. Хочу жениться на моей Кошечке, у которой коробка передач с левой стороны.

— Ах, с левой! — взревел коммандоре. — С левой! Вот до чего доводит чтение «Паэзе сера»! Довольно, хватит! Свадьбы не будет. Все, повеселился. И забудь с сегодняшнего дня о ста тысячах лир в неделю на мелкие расходы.

Элизо встал и молча удалился. Шел он, шел и, наконец, завернул в гараж. Вывел свою Кошечку и с грохотом понесся через села и города. Пешеходы шарахались в сторону, а мальчишки сбегались посмотреть на чудо-мотоциклетку. Элизо ощутил себя сильным, крепким, непобедимым парнем, которому все завидуют. Он выиграл главные призы на мотгонках

* Коммандоре (итал.) — соответствует американскому «босс» или исконно русскому «шеф» (прим. ред.).

своих стратегических бомбардировщиках и вот-вот закатят ядерную оплеуху ни в чем не повинным аризонцам. Забавно, не правда ли? Отголосок (на весь город) времен Форрестала благополучно поугубляет население Темпи и по сей день, хотя почти никто уже не помнит смысла этого воя, разве что сам Голдуотер.

И все-таки что же означает буква «А» на горе? Вряд ли «Аризона»...

Эпизод третий и последний. Мы, как уже говорилось, снова приземлились в транзитном Питтсбурге и пошли обедать в ресторан аэропорта. А уже на обратном пути, за пятнадцать минут до нового рейса, Джим Борен подмигнул нам и спросил:

— Хотите посмотреть на сумасшедшего из компании Линдона Ларуша? Вон, видите, агитатор бредовых идей.

На плакате перед столом, за которым стоял симпатичный худощавый юноша, было выведено жирным красным шрифтом: «Содействуй развитию программ звездных войн или срочно садись за изучение русского языка». Мы подошли. На столе — антисоветская периодика, книги. Например, вот такая: «План советской агрессии на 1988 год». Том был толстый, с таблицами. Кроме названия, на обложке была изображена золотая царская корона в венчике из красного серпа и молота.

Ласково улыбнувшись нам, юноша спросил:

— А вы согласны, господа, что необходимо укреплять оборону страны?

— Согласны, — ответили мы. — Только смотря какой.

— Если мы не будем этого делать, — уже строго продолжал юный агитатор, — то вскоре каждому из нас придется изучить вот это. — И он протянул нам книжонку. Там значилось: «Русский язык — в две недели». Открыв наобум, мы прочитали: «Не убивайте моих детей, комиссар!».

— Думаете, они придут?

Парень убежденно кивнул головой и тут... вдруг узнал нас. Но вовсе не стал кричать «Бей красных!» или топтать на нас ногами. Наоборот — он от души обрадовался, выскочил из-за стола, стал жать нам за чем-то руки...

— Как видите, мы уже пришли, — сказал один из нас.

— Да-да, вы из Варшавского блока. Юмористы. Я читал о вас и видел по телевидению. Это грандиозно, что мы встретились, можно, я вас сфотографирую на фоне моего стола? Нет? Ну тогда у стены, прошу вас...

Мы уже опаздывали, и Джим волновался. На прощание мы выразили надежду, что наша фотография не будет висеть в тиражах и на стрельбищах мистера Ларуша, где его молодчики тренируются, готовясь отразить «красную агрессию».

МЭР, КОТОРЫЙ ПОЕТ
«ДУБИНУШКУ»

Если наши друзья Каммингсы, Барбара и Херб, люди уравновешенные и вполне спокойные, то Борены — заводилы и большие оригиналы. Мало того, что Джим, как вы уже знаете, — президент «Всемирной ассоциации профессиональных бюрократов», он еще почетный член общества «Плоской Земли» (концепция общества состоит в том, что на самом деле Земля плоская), и, наконец, наш друг состоит в обществе «Не верящих в полеты» людей, костяк которого составляют... пилоты гражданской авиации.

— Но как же так, Джим, — спросили мы его, — ведь мы же сейчас летим в Нашвилл, и ты можешь видеть в иллюминатор, что мы действительно летим!

— Так-то оно так, — улыбается Бо-

рен, — но наше общество «Не верящих в полеты» утверждает: «Все, что происходит в окне или иллюминаторе, — это всего лишь картинка, наподобие кино, которое вам показывает кинемеханик, в то время как вы находитесь на Земле». Кстати, в аэропорту нас будет встречать моя тетя. А в нашей семье она считается большим оригиналом, так что приготовьтесь и ничему не удивляйтесь...

Как оказалось, тетушка Мэй — не

вающе, она улыбнулась — понравилась.

— За мной! — скомандовала она. — В комнате для почетных гостей нас ждет мэр города Дик Фултон. Он отличный парень и мой старый друг.

Мэр Фултон был настоящим мэром — элегантным, подтянутым, седым. В глазах его светились ум и доброты. После приветственной речи, из коей следовало, что мы, советские юмористы, являемся не менее жела-

Со стр. 9.

простая, а золотая тетушка. И вот почему.

Еще мало кому известного Элвиса Пресли она взяла за руку, подвела к микрофону, вручила свою песню «Heartbreak Hotel»* и сказала: «Пой, мальчик, пой, золотце». Элвис спел...

Вскоре тираж пластинки перевалил за миллион, став первым «золотым» диском Элвиса Пресли.

У тетушки Мэй — золотой характер. Она редко становится радушна, гостеприимна, мила, общительна. Итак, мы встретились с золотой тетушкой Мэй в аэропорту Нашвилла. Осмотрев нас оцени-

ними гостями в столице американской музыки, чем Пол Маккартни и Фрэнк Синатра, мэр вдруг запел на русском языке: «Эх, дубинушка, ухнем...»

Наш дружный квинтет не заставил себя ждать. «Эх, зеленая, сама пойдет», — грянули мы хором.

Такого тетушка Мэй не слышала даже от покойного короля рока Элвиса Пресли. Джон Маркс с его телекомандой в восторге накручивали тридцатый километр пленки...

Не заезжая в отель, два наших лимузина, каждый длиной в пассажирский вагон (машины мэри), остановились у здания полицейского управления. Но мы были спокойны. В дороге тетушка Мэй сказала:

— Шериф Фейт Томас — отличный парень и мой старый друг. Он очень хотел с вами встретиться.

На всякий пожарный мы вытащили собственные бутфорские звезды шерифов и нацепили на пиджаки.

Шериф был огромный, словно из кинобоек. Держа в левой руке метровую сигару, правой он пожимал наши крохотные по сравнению с его ладони, поглядывая на наши звезды и приговаривал: «Очень рад, надеюсь, вы с честью выполните свои новые обязанности». А тетушка Мэй в это время восседала в гигантском кресле шерифа, с удовольствием наблюдая церемонию. Шериф ударил в гонг, и адъютант торжественно внес толстую папку из свиной кожи. И тут каждому из нас вручили грамоты с печатью и подписью, удостоверяющие, что мы являемся «почетными действительными заместителями шерифа округа Давидсон, штат Теннесси».

— А оружие, форма? — робко поинтересовались мы.

— Это вам ни к чему, — расхохотался шериф. — Данные грамоты гарантируют вам полную безопасность.

В том, что Нашвилл — музыкальная столица США, мы убедились уже в аэропорту, встретившись с поющим мэром. Но, как оказалось, поют в Нашвилле все без исключения. Вот парень едет параллельно с нами, он отрывает руки от руля, закатывает глаза и поет, поет навстречу ветру. Скорость немалая. О чем он поет, к сожалению, не слышать.

Поют пенсионеры в ковбойских шляпах, аккомпанируя себе на банджо, поют на улицах юноши и девушки, съехавшиеся в Нашвилл в поисках музыкального счастья, поют в холлах гостиниц и барах, поют во всемирно известных студиях записи и в гигантских концертных залах.

Хорошо, когда все поют.

Больше всего запомнилась нам в Нашвилле встреча в доме у тетушки Мэй. И не потому даже, что сюда — ради нас, для нас — пришли известные общественные и государственные деятели, певцы и музыканты, кинозвезды. Из Техаса специально прилетела делегация, чтобы вручить нам Флаг Мира — голубое полотнище с белым голубем.

— Это символ наших надежд, — сказала Мэй. — Надежд на будущее. Мы хотели вручить его господину Горбачеву. Мы просим отвезти его в Москву.

Десятки людей, собравшихся в этом добром доме на зеленой лужайке в окрестностях Нашвилла, встали и, серьезные, торжественные, смотрели на трогательную церемонию. Ибо флаг вручался нам и от их имени. От имени той Америки, которая хочет жить в мире и дружбе с нами, которая разделяет девиз Джима Борена «Превратить взрывную силу бомб во взрывную силу смеха!». И которая так искренне и радушно приняла нас, назвав этот визит «встречей юмористов в верхах».

...Потом еще много всякого было в музыкальной столице США — Нашвилле. Но больше, но глубже всего врезалась в память трогательная церемония в доме тетушки Мэй.

Голубое полотнище — вот самая дорогая реликвия, привезенная нами из США. Она вселяет надежды на то, что диалоги, подобные этому, будут продолжены, что улыбки и смех порабатуют на главную цель — взаимопонимание и дружбу.

Вашингтон — Питтсбург —
Темпи — Лос-Анджелес —
Филадельфия — Нашвилл —
Москва.